ПЛОДЫ
УЕДИНЕНІЯ.

МОСКВА, 1802.
Въ Университетской Типографіи,
у Люби, Гарія и Попова.

Съ дозволенїя Московской Цензуры.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЛОДЫ УЕДИНЕНІЯ

I.

ГИМНЪ ДОБРОДѢТЕЛИ.

Ты, которая существуешь неизмѣнно, не смотря ни на упреки отчаяннаго Брута, ни на торжество гнуснаго лицемѣрія — высокій предметъ свободы разумныхъ существъ — Добродѣтель! естьли ты хочешь осчастливить землю, то будь душею тѣхъ, которые управляютъ ею, и тѣхъ, которые ее просвѣщаютъ: управляй волею Царей и Философовъ!

Явись смертнымъ безъ покрова и облака; безпрестанно будучи игрою своего воображенія, они одѣваютъ тебя въ различныя одежды, всякой по своимъ прихотямъ, и потомъ привыкаютъ обожать въ тебѣ то, что собственно не есть ты.

Внуши Владѣтелямъ міра, что безъ свободы нѣтъ добродѣтели; — гражданину, что повиноваться законамъ, значитъ повиноваться самому себѣ; — суевѣрному человѣку, что набожность не требуетъ самоубійства; — Философу, что онъ долженъ почерпать законы Природы въ своемъ сердцѣ, а не — изъ книгъ.

Раздери тройную завѣсу, очаровывающую мысленный взоръ человѣка; пусть онъ менѣе увивляется тому, чего не постигаетъ; пусть перестанетъ негодовать на медленность разсудка, и болѣе уважитъ честность низкихъ и неизвѣстныхъ людей, нежели блестящіе пороки людей высокихъ и извѣстныхъ

О Добродѣтель! все существующее въ сравненіи съ тобою — ничто. Ты одна занимаешь мѣсто всѣхъ благъ и существенныхъ, получаемыхъ изъ рукъ Природы, и воображаемыхъ; ты существуешь — и на землѣ нѣтъ болѣе зла.

Управляй моею волею, такъ какъ и разумомъ; тебѣ принадлежатъ всѣ способности души нашей. Когда я стараюсь тебя понять, ты кажешься

мнѣ величественною идеею; но когда я приступаю исполнять тебя — тогда ты представляешься въ великихъ чувствованіяхъ.

Тогда истаю я въ чувствахъ пріятнаго твоего вліянія, когда стану бесѣдовать съ своею душею, когда изъ постоянной любви моей къ порядку родится чистый пламень страсти, когда почувствую все пространство великаго свойства, напечатлѣннаго во мнѣ Природою, и дерзну наконецъ торжествовать совершеніе того цѣлаго плана, въ которомъ сосредоточены всѣ его отношенія.

Тогда буду я ожидать удара смерти безъ ропотанія и ужаса. Естьлижь Небо продлитъ дни мои, я буду терпѣть спокойно, и можетъ быть съ благодареніемъ; естьли же осуждено мнѣ умереть прежде времени, то чего уже осталось мнѣ страшиться?... Добродѣтель — сама Добродѣтель положитъ меня въ нѣдра Природы!

— Съ Французскаго.

II.

О БОГАТСТВѢ.

Человѣкъ родится съ желаніемъ добра; но всѣ блага, на которыя имѣетъ право, получаетъ онъ отъ Того, Кто далъ ему способность различать добро отъ зла. Эта мысль основывается на чувствѣ благодарности. Все внушаетъ человѣку гласъ Вѣры, гласъ Совѣсти, гласъ Природы. — Но онъ часто не внимаетъ сему гласу; часто, плѣнившись удовольствіями, теряетъ изъ виду истинное благо - удаляется отъ Бога. Между предметами, очаровывающими человѣческія сердца, изъ первыхъ можно почесть — пристрастіе къ богатству.

Какая можетъ быть любовь и усердіе къ Богу въ томъ человѣкѣ, въ которомъ отъ неуваженія Божественныхъ заповѣдей вѣра и добродѣтель ослабѣли? которой, будучи развлеченъ разными предметами,

плѣняющими неосторожной его взоръ, заботится только о удовлетвореніи своимъ страстямъ? — Помыслитъ ли онъ съ благоговѣніемъ о первомъ и единственномъ своемъ долгѣ? помыслитъ ли онъ о томъ, чемъ онъ обязанъ Богу? — Предавшись въ волю страстей и утопая въ роскоши, бываетъ ко всему хладнокровенъ — бываетъ въ тягость самому себѣ. Онъ презираетъ все, что есть свято. Подлое самолюбіе погашаетъ въ немъ свѣтильникъ разума, возбраняетъ слышать гласъ истины — гласъ любви къ ближнему; подавляетъ сѣмена благодарности, заглаждаетъ слѣды чувствительности, и наконецъ доводитъ до той крайности, что онъ — забывъ себя и человѣчество — забываетъ Творца.... Но какой это любимецъ слѣпой Фортуны? — Богачъ, усыпленный на розахъ удовольствій — богачъ, котораго сердце упоено сладкимъ ядомъ, лежащій на бархатномъ диванѣ съ томностью въ душѣ — съ горестью въ сердцѣ. Онъ уже не имѣетъ времени познать самого себя, взглянуть окомъ сострацанія — окомъ

человѣколюбія на бѣдность, ліющую горькія слезы и съ уничиженіемъ ползающую у ногъ его; не имѣетъ уже времени помыслить о вѣрѣ и законѣ, какъ о первомъ долгѣ человѣчества. Валтасаръ, Государь Вавилонскій, никогда бы не дерзнулъ принесть на пиръ священныхъ сосудовъ, въ коихъ была приносима жертва Богу Израилеву, естьли бы не былъ ослѣпленъ богатствомъ и роскошью, естьли бы сіи два кумира не очаровали сердца его. —

И такъ не уже ли богатство — сей даръ Неба — бываетъ причиною тому, что человѣкъ забываетъ самого себя, забываетъ ближняго, забываетъ наконецъ и Творца своего? —

III.

ЧУВСТВА КАЮЩАГОСЯ ГРѢШНИКА.

Среди удовольствій, среди пышныхъ роскошей и различныхъ веселостей, когда совѣсть моя дремала, когда я утопалъ въ порокахъ, когда всѣ необузданныя страсти, сіи бичи человѣчества, обладали мною — услышалъ я наконецъ пронзительной звонъ погребательнаго колокола, и вострепеталъ. Ужасъ овладѣлъ мною; я началъ страшиться самого себя, — душа моя стѣснилась подъ игомъ угрызеній. Мрачная тѣнь злыхъ моихъ дѣяній представилась глазамъ моимъ, — дѣяній, терзающихъ сердце! ужасный ея гласъ пронзаетъ слухъ мой; она вопіетъ: нѣтъ уже болѣе ни времени, ни прощенія! — Огонь Этны воспламенилъ мое сердце, хладъ сѣвера остановилъ во мнѣ теченіе крови. Не послѣдній ли это конецъ? — Такъ, это конецъ моему бытію, сказалъ я, и хотѣлъ возло-

жить на себя собственныя свои руки — какЪ гласЪ священный, гласЪ милосердый — гласЪ, зовущій кЪ покаянію остановилЪ меня. Боже! что я былЪ? — Плачевной предметЪ сострадания и ужаса; — но теперь слезы потекли и успокоили нѣсколько мое сердце. УжасЪ мщенія Божія возбудилЪ вЪ сердцѣ моемЪ спасительное содроганіе, раскаяніе коснулось души моей. . . . Но сколь оно еще слабо! сколько сердце мое ожесточено! — Создателю мой! коль Ты долго терпишь беззаконія человѣка! колико Ты милосердЪ и благЪ! Я заслуживаю наказаніе, заслуживаю праведный ,Твой гнѣвЪ. — Но Ты, Отче небесный! Ты меня прощаешь, Ты требуешь одного сердечнаго раскаянія — одного покаянія. Естьли Ты меня простишь, то когожЪ Ты накажешь? . . . АхЪ! не огорчись; хотя надежда и слабой мой разумЪ приводитЪ меня вЪ заблужденіе, но я полагаю вЪ ТвоемЪ величествѣ прибѣжище; и ты, душе моя, озаряющаяся небеснымЪ лучемЪ, свѣтомЪ Божества! вниди вЪ себя и скажи мнѣ: гдѣ я? и что я?

Верховный Правитель міра! — Существо Превѣчное! я возношу гласъ свой къ Тебѣ: услышь сердечное мое раскаяніе! — услышь мою молитву, и осѣни меня свѣтомъ Божественныхъ Твоихъ лучей; низпосли мнѣ силу и бодрость исполнять святыя Твои заповѣди; низпосли Твою благость къ укрощенію мятежной моей воли! Я каюсь во всѣхъ моихъ злодѣяніяхъ, и простерши чело мое во прахѣ, умоляю Тебя, Отче небесный! простить мнѣ грѣхи мои. Подаждь мнѣ при послѣднемъ часѣ жизни моей достигнуть къ источнику нетлѣнныхъ Твоихъ благъ, къ жилищу чистѣйшихъ Духовъ!

IV.

ВЕСЕННЕЕ УТРО.

Уже скрывается блѣдная Царица ночи; — янтарныя звѣзды теряютъ яркій свѣтъ, убѣгаютъ черныя тѣни ночи; — румяная заря начинаетъ блистать на краю небосклона, зыблющійся лучь солнца пробуждаетъ всю Природу: — восходитъ огнеобразный шаръ — восходитъ благотворное солнце, пламенное злато стелется по полямъ. Цвѣты разкрываютъ свои чашечки, и кажутъ солнцу кристальныя перла прохладной утренней росы; ароматный паръ розъ оживляетъ зеленый атласъ листочковъ. Трудолюбивый поселянинъ идетъ на свое поле, правитъ тяжелымъ плугомъ, и съ радостїю ввѣряетъ нѣдрамъ земли сѣмена. Стада птицъ наполняютъ пѣніемъ своимъ воздухъ, рощи повторяютъ тоны ихъ въ пріятныхъ отголоскахъ. — Жаворонокъ,

плавая въ воздухѣ, поетъ веселую, скорую свою пѣсенку.

Все, что ни видитъ око мое; всякой предметъ, представляющійся моему взору, все Твоимъ, Господи! устроено могуществомъ. Тобою живетъ Природа. Свѣтъ и безчисленное множество звѣздъ; блескъ, теплота и сила солнца — суть дѣло руки Твоей.

Непостижимый! — я молчу ... слабый свѣтъ мой меркнетъ при разсматриваніи великихъ чудесъ Твоихъ; я не могу надивиться онымъ — не могу надивиться Твоей премудрости, и съ восторгомъ восклицаю: чудны дѣла Твои, Господи! . . .

V.

СОЛОВЕЙ.

Восточная звѣзда теряла яркій свой блескЪ, края небосклона начинали бѣлѣть, слабой свѣтЪ пробивался сквозь мракЪ, наконецЪ усилился и прогналЪ темноту ночи: настало Майское утро! Я сидѣлЪ вЪ это время при корнѣ вѣтвистой липы: какое время! какое мѣсто! ТамЪ — далеко — вижу я синій лѣсЪ, возвышающіяся скалы; — тамЪ поля покрытыя зеленобархатными коврами; — тамЪ лугЪ цвѣтами усѣянный, — здѣсь прекрасный садЪ; все восхищаетЪ, плѣняетЪ меня; я дышу ароматнымЪ паромЪ цвѣтовЪ, чувства мои исполнены райскимЪ восхищеніемЪ! — ВдругЪ слышу я соловья, неподражаемаго пѣвца! его громкія трели, нѣжные перекаты, неслись легкими зефирами, и раздавались вЪ окрестныхЪ мѣстахЪ. Его голосЪ былЪ иногда отрывистЪ, иногда протяженЪ и разсыпчивЪ, иногда громокЪ и нѣ-

женъ; — его голосъ приводилъ всю тварь въ безмолвіе; нощная птица отлетала, дабы плачевнымъ крикомъ не оскорбить его; поля, луга стояли изумленные; столѣтній дубъ наклонилъ свои вѣтви и не смѣлъ шевелиться; пушистая береза стояла какъ очарованная; скалы, преклонивъ свое чело, слушали яркой, звучной, раскатистой, пріятной и неподражаемой его голосъ, которой отзывался въ моемъ сердцѣ, и душа моя была въ забвеніи. Солнце взошло, позлатило своими лучами всѣ предметы, и я возвратился въ свою хижину.

VI.

НЕСОГЛАСІЕ.

Подъ вѣтвями густаго вяза,
Спустивша кудри черны внизъ,
Стояща на холмѣ высокомъ,
Я отдыхаю часто здѣсь.
Сидя одинъ — въ вечерне время,
Прошедши вѣки я смотрѣлъ;
Добра я мало — мало видѣлъ,
Но только бѣдствія одни.
Тамъ, вижу, царство возникаетъ,
Встаетъ — подъемлется — цвѣтетъ,
Ни въ чемъ препоны не находитъ,
Главу возноситъ къ облакамъ;
И се — трясется, упадаетъ!
Поверглось царство, и соборъ
Всѣхъ бѣдъ вокругъ его обвился;
Поверглось, и его ужъ нѣтъ!
А тамъ я вижу царство сильно,

Трепещетъ кого полсвѣтъ,
И *дики, лютые народы*
Цѣлуютъ знамена его.
Гдѣ войско ступитъ — тамъ побѣды,
Гдѣ ступитъ — царство подъ пятой,
И славы блескъ — побѣды славны
На латахъ, на мечѣ горятъ.
Вселенна на шаги взираетъ,
Идетъ — и вдругъ печальный видъ:
Знамены всѣ покрыты пылью,
Глава склонилася къ землѣ,
И царство сильно вмигъ ничто!
Ничто! — гдѣжь мечь его блестящій?
Гдѣ сила, власть? гдѣ славы громъ?
Гдѣ всѣ веселія, тріумфы?
Побѣда гдѣ? — Изчезло все.

О несогласье, мать раздора!
Толикихъ бѣдъ виною ты.
Мы взглянемъ на прошедши вѣки,
Посмотримъ прежнія дѣла,

Увидимъ: „гдѣ живетъ коварство,
Гдѣ несогласїе одно,
Гдѣ Царь, Вельможа — мыслятъ разно,
Творятъ лишь для страстей своихъ:
Тамъ вѣчны брани, неустройства,
Внутрь царства лишь раздоръ живетъ
Другъ друга давятъ; — нѣтъ согласья —
И нѣтъ спокойства никогда. —
Но гдѣ живетъ одно согласье;
Гдѣ просты, чистыя сердца:
Тамъ царствуетъ всегда спокойство,
Любезна кротость, тишина.
Тамъ царство мирно, безмятежно
Въ величествѣ цвѣтетъ всегда;
Столбовъ его — ничто не двинетъ,
И солнца славы не затмитъ.

VII.

ДРАММА

ДОБРОЙ ВНУКЪ,

въ двухъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица:

ДОБРОСЕРДЪ.

ЮЛІЯ, дочь его.

СТАРИКЪ.

ГЕОРГЪ, 19,
МАША, 8, его внуки.
АНЮТА, 7 лѣтъ.

Слуга ДОБРОСЕРДОВЪ.

Трактирщикъ.

Дѣйствіе происходитъ близь Добросердовой деревни.

ДРАММА

ДОБРОЙ ВНУКЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ лѣсъ; съ одной стороны трактиръ, съ другой развалившаяся хижина. Возлѣ ее лежитъ камень; вдали видна деревня.

ЯВЛЕНІЕ I.

СТАРИКЪ (*выходитъ въ раздранномъ платьѣ*).

Боже мой! . . . Георгъ всё еще нейдетъ; что естьли съ нимъ сдѣлалось какое нибудь нещастіе? — Не дай Богъ! — Бѣдной - онъ пошелъ просить милостыни у добрыхъ людей; но гдѣ онъ ихъ сыщетъ? Найдетъ ли онъ людей, которые любятъ помогать бѣднымъ? — Богъ знаетъ! — есть много богатыхъ, но. . . . Вотъ

живетЪ человѣкЪ достаточной (*указывая на трактирЪ*); я просилЪ у него нѣсколько разЪ куска хлѣба, просилЪ не для себя, но для маленькихЪ дѣтей моихЪ. БогЪ дастЪ! — вотЪ былЪ весь отвѣтЪ его. — ТакЪ — ОнЪ дастЪ; ОнЪ не оставитЪ малыхЪ сиротЪ, ибо ОнЪ питаетЪ и птенцовЪ, неимѣющихЪ пропитанія. (*садится на камень*)

ЯВЛЕНІЕ II.

СТАРИКЪ и МАША.

МАША (*подходя къ нему*).

ДѣдушкА, о чемЪ ты тужишь? ты всё такЪ печаленЪ! . . . Знаешь ли что? — ГеоргЪ скоро возвратится и принесетЪ намЪ хлѣба.

СТАРИКЪ.

Бѣдныя сиротки! . . . ГеоргЪ принесетЪ хлѣба — да, хорошо естьли принесетЪ.

МАША.

У меня было два сухаря, которые ты намъ далъ на обѣдъ; я ихъ отдала Георгу, когда онъ шелъ просить милостыню.

СТАРИКЪ.

Чтожь ты сама будешь ѣсть?

МАША.

Я потерплю; онъ мнѣ за то принесетъ больше. О! я его такъ люблю, что и всё ему отдала.

СТАРИКЪ.

Доброе дитя! ты любишь его? — Люби его всегда; онъ насъ поитъ и кормитъ. Да гдѣ твоя сестра?

МАША.

Она пошла на большую дорогу, и сказала, что будетъ у прохожихъ просить милостыни.

СТАРИКЪ.

Милостыни — Ахъ! естьлибъ была жива ваша мать, вы бы вѣрно не просили милостыни.

МАША.

Дѣдушка! мы всё станемъ терпѣть, только ты не будь печаленъ; не крушись столько о насъ!

СТАРИКЪ.

Старость! старость! ты-то обременяешь меня. Ахъ, естьлибъ я былъ моложе!

МАША.

Дѣдушка! я побѣгу искать Анюту; можетъ быть она выпросила хлѣба, то и тебѣ принесетъ. Я и сама стану просить.

СТАРИКЪ.

Поди; можетъ быть Богъ приведетъ къ тебѣ чувствительнаго человѣка; можетъ быть сердце его тронется нещастнымъ вашимъ положенiемъ — можетъ быть кто нибудь подастъ вамъ кусокъ насущнаго хлѣба, — котораго, къ нещастiю моему, я самъ выработать не въ силахъ.

МАША (*уходя*).

Хорошо! — прощай дѣдушка!

СТАРИКЪ (*смотря на нее*).

Развѣ каменное сердце, смотря на нее, не тронется! (*долгое молчаніе*) — Боже мой! что естьли мы сего дня цѣлой день будемъ безъ хлѣба? Что естьли Георгъ возвратится съ пустыми руками, будучи самъ изнуренъ голодомъ? — Горестной день! . . . Бѣдныя сироты! вы будете страдать . . . Какіе удары моему сердцу! . . . Но не уже ли Провидѣніе совсѣмъ насъ оставитъ? не уже ли намъ должно будетъ прибѣгнуть къ пагубному, непозволенному средству? — Нѣтъ! — прочь адская мысль! — Лучше честная смерть, нежели порочная жизнь.

ЯВЛЕНІЕ III.

СТАРИКЪ, МАША и АНЮТА.

(*Маша и Анюта бѣгутъ вмѣстѣ, взявшись за руки*)

АНЮТА.

Дѣдушка! дѣдушка! — я выпросила кусокъ хлѣба.

МАША.

А я копѣйку.

СТАРИКЪ.

Подѣлитесь, любезные внуки, между собою хлѣбомъ, а на копѣйку купите чего нибудь!

АНЮТА (*ломая хлѣбъ*).

Вотъ тебѣ, дѣдушка — ѣжь; я думаю ты голоденъ.

СТАРИКЪ.

Нѣтъ, Анюта; я не хочу — я могу потерпѣть.

АНЮТА (*подавая ему*).

Возми, дѣдушка; я для тебя ходила просить, а намъ Георгъ принесетъ.

МАША.

Возьми, дѣдушка — а я пойду куплю молока на копѣйку. (*уходитъ въ трактиръ*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, кромѣ МАШИ.

СТАРИКЪ (*садится на камень — молчаніе*).

У кого ты, Анюта, выпросила хлѣба? —

АНЮТА.

Много проходило людей; я просила, но никто не давалъ. Шолъ одинъ старичокъ съ мѣшкомъ на плечахъ; я стала просить, онъ мнѣ безъ отговорки подалъ.

СТАРИКЪ.

Естьлибъ это не касалось до вашей жизни и брата вашего, то я не допустилъ бы васъ ходить по міру. Видишь, Анюта, какъ мало людей, которые помогаютъ бѣднымъ такимъ, какъ мы; можетъ

быть и ГеоргЪ придетЪ сЪ пустыми руками.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢже, ТрактирщикЪ и МАША.

ТрактирщикЪ (*толкая Машу*).

ГоршокЪ разбила, да и молока ѝй дай; убирайся вонЪ!

(*Маша выходитъ изъ трактира и плачетъ*)

СТАРИКЪ.

Что ты, машинька? —

АНЮТА.

О чемЪ ты плачешь, сестрица? —

МАША (*утирая слезы*).

АхЪ, дѢдушка! я пошла покупать молока вотЪ вЪ этотЪ трактирЪ; мнѢ не во что было его взять; я стала у нихЪ просить горшечка, мнѢ дали; я ненарошно его уронила. ТрактирщикЪ закричалЪ, выхватилЪ у меня копѢйку: это за горшокЪ, сказалЪ онЪ; бранилЪ меня и выпихнулЪ изЪ комнаты.

СТАРИКЪ.

Вотъ, любезныя дѣти! такіе-то теперь люди! послѣднюю копѣйку отнимаютъ у нищаго!

АНЮТА (*вздыхая*).

Витъ этотъ трактирщикъ не доброй человѣкъ; не правда ли, дѣдушка?

СТАРИКЪ.

Богъ ему судья! — (*молчаніе — дѣти плачутъ*) Дѣти мои! — не плачьте — не плачьте; каждая слеза ваша — кинжалъ моему сердцу. У меня нѣтъ ничего, но вы все для меня. — Не плачьте, дѣти мои! — вашъ печальной взоръ . . . .

МАША и АНЮТА (*вмѣстѣ*).

Нѣтъ, дѣдушка, мы перестанемъ плакать — успокойся.

МАША (*отойдя на сторону*).

Ахъ, дѣдушка! кажется Георгъ идетъ; я побѣгу къ нему. (*убѣгаетъ вмѣстѣ съ Анютою*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

СТАРИКЪ (*съ нетерпѣніемъ смотритъ въ ту сторону, куда они побѣжали.*)

(*Долгое молчаніе*) Я догадываюсь, что причиною; — конечно ему отказали, и онъ не имѣетъ сердца возвратиться съ пустыми руками. Боже! не уже ли страданія наши прервутся смертію?

ЯВЛЕНІЕ VII.

СТАРИКЪ, ГЕОРГЪ, МАША и АНЮТА.

(*они идутъ печальны.*)

СТАРИКЪ (*подходя къ нему*).

Что, Георгъ?

ГЕОРГЪ (*плачетъ*).

Дѣдушка! дѣдушка!

СТАРИКЪ.

Боже мой!... не уже ли не сыскалась ни одна добрая душа?

ГЕОРГЪ (*сквозь слезы*).

Никто — никто не посмотрѣлъ на меня; никто не смотрѣлъ на бѣдность, лiющую слезы горькiя и съ уничиженiемъ ползающую у ногъ ихъ. Я представлялъ имъ нищету нашу, представлялъ имъ нужду, но никто не чувствовалъ, никто ничего не подалъ; я пошелъ къ Добросерду, началъ просить у окна: вдругъ выскочилъ господской слуга, началъ меня бить за то, что я безпокою спящаго ихъ господина; я отошелъ, началъ опять просить по деревнѣ, но мнѣ отвѣчали, что теперь денегъ даромъ не даютъ, а хлѣбъ дорогъ, — и я возвращаюсь, какъ видите, съ пустыми руками.

МАША (*вздыхая*).

И такъ ты, Георгъ, ничего для дѣдушки не принесъ?

СТАРИКЪ (*въ отчаянiи*).

Люди! — богатые люди! — богачи упоенные сладкимъ ядомъ! и вы не посмотрите на бѣдныхъ, не хотите взглянуть окомъ сострада-

нія, окомъ человѣколюбія на себѣ подобныхъ, но на бѣдныхъ людей! Не уже ли сердца ваши сотворены изъ кремня? — не уже ли въ жилахъ вашихъ находится ледъ? Бѣдные люди терпятъ голодъ, нужду; а вамъ что въ этомъ нужды! Не уже ли мы изключены изъ человѣчества? Такъ — не сыскался ни одинъ человѣкъ, которой бы подалъ кусокъ чорстваго хлѣба или копѣйку, которая бѣдному бы старцу стоила много. . . (*молчаніе*) Боже мой! Ты сохранилъ меня до сего часа отъ отчаянія — а теперь — теперь я не знаю, что предпринять. — Дѣти! не сердитесь на меня — не кляните меня. —

ГЕОРГЪ (*смотря на него долго, потомъ бросается на колѣни*).

Дѣдушка! — покуда кровь течетъ въ моихъ жилахъ — я не доведу васъ до отчаянія; я сдѣлаю все, чтобы дать вамъ кусокъ хлѣба . . . только пойдемъ.

СТАРИКЪ (*поднимая его*)

Куда? любезной Георгъ — куда?

ГЕОРГЪ (*скоро*).

Дѣдушка! я еще молодъ, могу служить Государю; теперь рекрутской наборъ, пойдемъ въ деревню Добросерда; вы меня продайте, деньги возьмите себѣ для прокомленія; я изъ моего солдатскаго жалованья буду собирать хотя по грошу и присылать вамъ; — вотъ мое намѣреніе, пойдемъ!

СТАРИКЪ (*послѣ малаго молчанія*).

Мнѣ продать своего внука? — Георгъ! кто внушилъ тебѣ сію мысль?

ГЕОРГЪ (*съ жаромъ*).

Мое отчаяніе! — Мнѣ спокойно смотрѣть на дѣда, на моихъ сестеръ, терпящихъ нужду, не имѣющихъ подъ головами пучка соломы? мнѣ смотрѣть, какъ мой дѣдъ будетъ умирать — умирать отъ голоду, а сердце мое не обольется ли

кровію? — Не будутъ ли всѣ смотрѣть на меня съ презрѣніемъ? не будутъ ли говорить: вотъ молодой, здоровой внукъ, которой довелъ дѣда своего до отчаянія — довелъ до того, что онъ умеръ отъ голоду! Нѣтъ — пока кровь будетъ течь въ моихъ жилахъ, пока мозгъ не высохнетъ въ моихъ костяхъ — я этого не сдѣлаю. Пойдемъ — эту мысль внушилъ мнѣ самъ Богъ.

СТАРИКЪ (*плачетъ, потомъ бросается ему на шею*).

Георгъ! Георгъ! пожалѣй меня. Мнѣ лишиться единственной своей подпоры, мнѣ лишиться тебя? Ахъ! не уже ли нѣтъ болѣе средствъ, чтобы помочь намъ? — Я умру, а эти бѣдныя сиротки, твои сестры, что съ ними будетъ? (*обнимаетъ ихъ*) что съ вами будетъ, любезныя дѣти? Георгъ хочетъ насъ оставить.

(*Маша и Анюта плачутъ*).

ГЕОРГЪ.

Не уже ли вы думаете, дѣдушка, что онѣ останутся безъ вся-

каго призрѣнія? а Богъ, который питаетъ маленькихъ птичекъ, который не оставляетъ бѣдныхъ сиротъ, не уже ли Онъ оставитъ ихъ? Нѣтъ, никогда; — Богъ милостивъ — очень милостивъ!

СТАРИКЪ.

Георгъ! я рѣшился — пойдемъ; а вы, любезныя дѣти, останьтесь здѣсь, потерпите немного. Богъ конечно пошлетъ вамъ что нибудь на пищу. Да вотъ трактирщикъ, попросимъ у него.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, и Трактирщикъ *выходитъ.*

СТАРИКЪ.

Другъ мой! — сжалься надъ этими бѣдными дѣтьми, дай имъ кусокъ хлѣба!

Трактирщикъ

Стыдись, братъ! тебѣ я думаю сто лѣтъ, а стыда нѣтъ просить милостыни.

СТАРИКЪ.

Бога ради! кусокЪ — одинЪ кусокЪ чорствагo хлѣба.

ТрактирщикЪ

СынЪ-та у тебя парень хорошЪ, а не можетЪ заработать на щи.

СТАРИКЪ.

(*въ сторону*)

Жестокой человѣкЪ! — (*вслухЪ*) Я прошу не для себя и не для сына, но для этихЪ маленькихЪ.

МАША и АНЮТА.

Сжалься надЪ нами! мы ничего не ѣли.

ТрактирщикЪ (*уходя*).

То-то поджавЪ руки хотите достать хлѣба! вить и камень-та лежа на одномЪ мѣстѣ мохомЪ обростаетЪ. (*уходитЪ и чрезЪ нѣсколько времени приноситЪ кусочикЪ хлѣба*) Ну вотЪ вамЪ хлѣба, да впредь прошу не погнѣваться — теперь право хлѣбЪ дорогЪ.

СТАРИКЪ.

Спасибо, доброй человѣкЪ! — Ѣжьте, любезныя дѣти; мы пойдемЪ вЪ деревню, я скоро возвращусь, а ГеоргЪ — БогЪ знаетЪ!

МАША и АНЮТА (*вмѣстѣ*).

БратецЪ! ты хочешь оставить дѣдушку и насЪ, и тебѣ не жаль?

ГЕОРГЪ (*плача*).

БогЪ никогда васЪ не оставитЪ! (*обнимаетЪ ихЪ и уходитЪ*).

(*Маша и Анюта смотрятЪ за ними вЪ слѣдЪ и уходятЪ вЪ свою хижину*)

ДѢЙСТВІЕ II.

Театръ представляетъ трактиръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Трактирщикъ и слуга Добросердовъ.

Слуга (*приходя*).

Нутка братъ вина — да хорошаго!

Трактирщикъ.

О винѣ ни слова, лишь бы деньги.

Слуга (*садяся за столъ*).

О деньгахъ-та ни слова, каково-то вино.

Трактирщикъ.

Вино славное, не уступитъ Шампанскому.

(*подаетъ на столъ бутылку и рюмку*)

Слуга (*сидитъ за столомъ въ задумчивости склонившись наруку, потомъ говоритъ*).

Ну, братъ! вѣрно скоро преставленіе свѣта. Въ первой разъ въ жизни моей видѣлъ, что отецъ, или дѣдъ, ну кто бы то ни былъ, продаетъ своего сына или внука.

Трактирщикъ.

Право? — вѣрно какой нехристь!

Слуга (*льетъ вино*).

Какой нехристь, сего дня поутру одинъ молодой дѣтина — лѣтъ я думаю около двадцати — началъ просить подъ окномъ милостыни, въ ту пору нашъ баринъ почивалъ; мнѣ стало жаль кулака, да надо бить дурака, чтобъ не безпокоилъ барина. Я таки, Господи прости меня грѣшнаго, накормилъ его оплеухами и отогналъ прочь. Чрезъ нѣсколько времени онъ приходитъ съ батюшкой или дѣдушкой — ну съ какимъ чортомъ ни есть — къ нашему барину. Баринъ съ нимъ слово за слово, и узналъ, что онъ продаетъ его въ рекруты, а барину того-та и надо; не знаю, что будетъ далѣе; я ушолъ со двора.

ВотЪ каково на свѣтѣ! (*смѣется*) отецЪ продаетЪ сына! ха! ха! ха! или бишь дѣдЪ внука! ха! ха! ха!

Трактирщикъ.

А! а! а! понимаю: — это вить мои сосѣды.

Слуга.

Право? Ну хорошихЪ же ты имѣешь сосѣдовЪ.

Трактирщикъ.

Да лѣнтяи такіе, что и — и! вотЪ какЪ видишь, изба скоро задавитЪ, а вить нѣтЪ чтобЪ починить. — Правда — каковЪ вЪ колыбельку, таковЪ и вЪ могилку.

Слуга (*льетЪ вино*).

Сущая правда; — мой баринЪ сЪ малыхЪ лѣтЪ не очень-то уменЪ, да и на старости мало чѣмЪ лучше; кЪ тому же еще такой мягкосердой, что какЪ увидитЪ нищаго, такЪ и суетЪ полтину ему вЪ руки; а вить нѣтЪ чтобЪ нашему брату сшить получше ливрею.

Трактирщикъ.

Глядика, баринъ съ дура и не купитъ его, а дастъ ему денегъ ни за сё ни за то, да и отпуститъ его съ миромъ. Однако и старичина-та умёнъ, нѣчего сказать что умёнъ; иной бы думалъ — думалъ цѣлой годъ, да и въ голову бы не пришлось того, что ему въ часъ. Недавно просилъ у меня хлѣба, а теперь ужь продаетъ своего внука — ай да старикъ!

Слуга *(допивая вино и считая деньги).*

Да смотри, чтобъ и вправду *не было этого;* однако мнѣ пора; на-ка братъ за вино.

Трактирщикъ *(считая деньги).*

Копѣйки нѣтъ!

Слуга.

Не въ первой и не въ послѣдній разъ.

Трактирщикъ.

Милости просимъ не забывать насъ.

Слуга.

Добро — добро! прощай. (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ II.

(*Комната Добросерда. Добросердъ сидитъ въ задумчивости за столикомъ, не много погодя входитъ Юлія*)

ДОБРОСЕРДЪ.

Какъ ты думаешь, Юлія, хорошо ли тотъ человѣкъ дѣлаетъ, кто продаетъ сына своего?

ЮЛІЯ (*съ удивленіемъ.*)

Продаетъ? — Я въ первой разъ слышу.

ДОБРОСЕРДЪ.

Я и самъ также въ первой разъ въ жизни моей слышу — да и вижу. Но каковъ кажется тебѣ такой человѣкъ? —

ЮЛІЯ.

Этотъ человѣкъ долженъ быть варваръ. Естьли бы онъ былъ доброй, то не ужели бы не тронули его слезы сына? не ужели бы сердце его не воструепетало при помышленіи о такомъ варварскомъ дѣлѣ? — Такъ онъ варваръ! —

ДОБРОСЕРДЪ.

А естьли на это согласенъ и сынъ? —

ЮЛІЯ.

Какъ бы то ни было . . . продавать своего сына дѣло ужасное!

ДОБРОСЕРДЪ.

Представь себѣ, дочь моя, семейство находящееся въ крайней бѣдности; они просятъ милостыни, имъ не даютъ — ѣсть нѣчего, представь себѣ, не могутъ ли они дайти до отчаянія? —

ЮЛІЯ.

Это правда!

ДОБРОСЕРДЪ.

Я тебѣ докажу это примѣромъ. Эй! кто тамъ? —

Слуга (*прибѣгая*).

Чево изволите? —

ДОБРОСЕРДЪ.

Позови тѣхъ людей, которые были у меня.

Слуга.

Слушаю. — (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, СТАРИКЪ, ГЕОРГЪ и Слуга. (*старикъ съ Георгомъ приходятъ*)

ДОБРОСЕРДЪ.

Такъ что ты, старинушка, хочешь за своего внука?

СТАРИКЪ (*горестно*).

Мнѣ жаль его продавать! — Естьли бы вы имѣли такого внука! Я хочу за него 50 руб.

ЮЛІЯ

Дешево, старикЪ, дешево. : : : Ты говоришь, что онЪ доброй, на чтожЪ ты продаешь его? —

СТАРИКЪ.

Га! сударыня! . . . естьли бы вы знали . . . вамЪ надобно быть на моемЪ мѣстѣ.

ДОБРОСЕРДЪ (*прерывая его*).

Скажи мнѣ, старикЪ, всѣ обстоятельства, которыя заставляютЪ тебя продать его.

СТАРИКЪ.

Государь мой! вы этимЪ мучите меня.

ДОБРОСЕРДЪ (*про себя*).

Бѣдной старикЪ! какЪ онЪ жалокЪ! — (*вслухЪ*) А иначе я не куплю его.

СТАРИКЪ.

Извольте; — но я буду говорить о тѣхЪ обстоятельствахЪ, которыя напоминаютЪ мнѣ прошлое щастіе; скажу только, что имѣю

внуковъ, которыхъ оставили мнѣ мои дѣти. Я такъ бѣденъ, что не могъ ихъ ничему выучить; доброй мой Георгъ мірскимъ подаяніемъ кормилъ меня и своихъ сестеръ.

ЮЛІЯ (*прерывая его*).

А велики ли онѣ?

СТАРИКЪ

Старшая восьми, а меньшая семи лѣтъ.

ЮЛІЯ.

Гдѣжъ онѣ? —

СТАРИКЪ.

Остались безъ куска хлѣба въ бѣдной хижинѣ.

ДОБРОСЕРДЪ.

Продолжай, старикъ.

(*Юлія отходитъ на сторону и говоритъ что-то слугѣ, которой по выслушаніи уходитъ.*)

СТАРИКЪ.

Онъ кормилъ насъ до сихъ поръ; я два года, какъ съ великимъ трудомъ хожу, не имѣю ничего, кромѣ

бѣдной разваливающейся хижины; словомъ сказать: мы всѣ терпимъ каждой день голодъ и жажду. Георгъ приходилъ иногда съ пустыми руками, я все это могъ сносить безъ роптанія; но маленькія мои внучки — (*плачетъ*)

ДОБРОСЕРДЪ (*стоитъ въ задумчивости*).

ЮЛІЯ (*вздыхаетъ*).

СТАРИКЪ (*сквозь слезы*).

Ахъ! ... я не могу продолжать, я размучусь; — кончи ты, Георгъ. —

ГЕОРГЪ.

Милостивый государь! два дни мы почти ничего не ѣли. Я пошелъ сего дня по утру просить милостыни; просилъ — но не сыскалась ни одна душа, которая бы подала хотя кусокъ чорстваго хлѣба. Я приходилъ къ вамъ, но лакей прогналъ меня отъ окна, чтобы я васъ не разбудилъ (*Добросердъ закрывается руками и отворачивается*); опять началъ я просить, представлялъ людямъ всю нашу бѣдность, голодъ; но

люди — эти люди не чувствовали — не слушали меня. Теперь представьте себѣ, что я возвращаюсь къ семейству съ пустыми руками; прихожу въ бѣдную нашу хижину, и вижу дѣда и маленькихъ сестеръ своихъ голодныхъ, не имѣющихъ куска хлѣба: такъ не уже ли мнѣ смотрѣть, какъ бы онѣ стали умирать? Отчаяніе овладѣло моимъ сердцемъ — и я рѣшился на дѣло, которое кажется вамъ . . . я рѣшился, чтобы онъ меня продалъ, и тѣмъ избавился бы отъ крайности; (*съ жаромъ*) и теперь я готовъ на все, лишь бы избавить бѣдное семейство отъ крайности. — Отчаяніе — отчаяніе, государь мой! довело меня до этого дѣла. — И такъ . . .

ДОБРОСЕРДЪ (*будучи тронутъ*).

Добродѣтельнѣйшій внукъ, и ты, почтенный старецъ! обнимите меня — я помогу вамъ.

(*Старикъ и Георгъ падаютъ ему въ ноги.*)

ЮЛІЯ (*отирая слезы*).

Въ первой разъ вижу такихъ рѣдкихъ людей!

(*Добросердъ поднимаетъ ихъ*)

СТАРИКЪ (*съ чувствомъ*).

Боже мой! я на Тебя всегда уповалъ; Ты защита бѣдныхъ людей, и Ты посылаешь мнѣ покровителя. Я не въ силахъ теперь благодарить ничемъ — кромѣ слезами. (*плачетъ*)

ГЕОРГЪ.

Васъ, милостивый покровитель, долженъ я благодарить; — вы избавили бѣдное семейство отъ голода — избавили отъ смерти; благодарность моя будетъ состоять въ томъ, что я, пока душа въ тѣлѣ, буду служить вамъ.

ДОБРОСЕРДЪ.

Нѣтъ; я этого не требую.

ГЕОРГЪ.

Чего жъ вы отъ меня требуете? — скажите, — скажите; я радъ вамъ жертвовать и самою жизнію.

ДОБРОСЕРДЪ.

Ничего больше, кромѣ того, что вы будете жить спокойно въ моемъ домѣ; я буду самъ имѣть о васъ попеченіе.

СТАРИКЪ.

Онъ не гнушается держать въ домѣ бѣдныхъ людей! (*поднимая руки къ небу*) О Боже! не оставь эту рѣдкую, добрую душу.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СЛУГА (*вводитъ Машу и Анюту*).

Вотъ они.

СТАРИКЪ (*увидя ихъ, бросается къ нимъ*).

Дѣти! внуки мои! вотъ нашъ избавитель! — намъ Богъ послалъ его.

(*Дѣти цѣлуютъ руки Добросерда*)

ЮЛІЯ.

Какія милыя! — Какъ васъ зовутъ?

МАША.

Меня Машею.

АНЮТА.

А меня Анютою.

ДОБРОСЕРДЪ.

Покуда я живъ, буду благословлять щастливую минуту, которая подала мнѣ случай помочь нещастнымъ, добродѣтельнымъ людямъ

Въ первой разъ въ жизни моей чувствую такое удовольствіе! Помогать бѣднымъ и дѣлать добро — вотъ прямое щастіе и удовольствіе людей. — Добрей внукъ! ты научилъ меня этому добру, и ты съ твоимъ почтеннымъ дѣдомъ будете моими друзьями! (*обнимаетъ ихъ*)

СТАРИКЪ.

Друзьями? — Боже! возможно ли забыть ваше великодушіе и милость? — Нѣтъ! никогда; — она написана вотъ здѣсь (*указывая на сердце*) и тамъ (*указывая на небо*).

МАША и АНЮТА (*цѣлуя руки Добросерда*).

И мы вѣчно не забудемъ вашей милости.

VIII.

КЛАДБИЩЕ.

Солнце скрывалось уже за отдаленные хребты горЪ; последній лучь его позлащалЪ гранитовые верхи скалЪ, любимое отдохновеніе сизыхЪ облаковЪ, когда я сидѣлЪ на возвышенномЪ холмѣ, откуда вижу куполЪ стараго, почти развалившагося храма: при семЪ святилищѣ покоится прахЪ умершихЪ. Я сидѣлЪ долго, и наслаждался пріятностію времени; разсматривалЪ цвѣточки, которые вокругЪ меня небрежно были разсѣяны; разсматривалЪ, и думалЪ: — милые, нѣжные цвѣты! вы увянете, когда угрюмая зима, окруженная бурями и несомая на быстрыхЪ аквилонахЪ, сЪ желѣзнымЪ скипетромЪ придетЪ возсѣсть посреди утружденной Природы. Подобно увянемЪ — падемЪ и мы — и мы. АхЪ! иной изЪ насЪ находится вЪ совершенномЪ благополучіи, наслаждается спокойстві-

емЪ, и вдругЪ лютая смерть прерываетЪ нить его жизни; иной, влача жизнь свою подЪ бременемЪ нещастій, угнѣтаемЪ скорбію, дряхлЪ, старЪ, призываетЪ смерть, вопіетЪ кЪ ней, чтобЪ она прекратила его жизнь, которая ему вЪ тягость; но она отворачивается отЪ него, и вЪ тужЪ минуту поражаетЪ невиннаго младенца — младенца, коего жизнь едва еще началась — Смерть лютая, смерть жестокая! . . . утомится ли когда рука твоя? притупится ли жало страшной твоей косы? перестанешь ли ты пожинать твореніе, какЪ тростникЪ? — А! нѣтЪ; ты неумолима, законЪ твой непремѣненЪ. . . Занимаясь такими мыслями, я увидѣлЪ, что блѣдная луна показывается изЪ за густаго лѣсу; я сошелЪ сЪ холма, и не оставляя прежнихЪ своихЪ мыслей, нечувствительно пришелЪ кЪ кладбищу. Все было тихо — все представляло печальную картину разрушенія: храмЪ, которой рукою времени былЪ почти разрушенЪ, вЪ коего разби-

тыя окны вѣтеръ тихо шумѣлъ; камни, обросшіе мхомъ, развалившіеся и полуотверстые гробы, — все представляло образъ тлѣнія. Поглядѣвъ вокругъ себя, вдругъ вижу я трогательное зрѣлище. Женщина въ черномъ платьѣ, съ разпущенными волосами, съ блѣднымъ и томнымъ лицемъ простершаяся на могилѣ, которая казалось недавно была насыпана; слезы рѣкой лились изъ очей ея. Немного спустя, она такъ громко зарыдала, что казалось, самые камни застонали. Я трепеталъ, внимая стенаніямъ нещастной; наконецъ подошелъ ближе: она дико на меня смотрѣла — губы ея дрожали — грудь ея то опускалась, то подымалась, и слезы лились изъ очей ея. Я, будучи чрезвычайно тронутъ ею, подошелъ, чтобы оттащить нещастную отъ могилы — началъ ее подымать. „Человѣкъ! „закричала она, кто бы ты ни былъ, „не лишай меня послѣдняго удовольствія, пусти меня; — ты хочешь „возвратить мнѣ жизнь — спокойствіе: нѣтъ — моя жизнь, мое

„спокойствіе, мое все — здѣсь смотри — „здѣсь погребено.“ Она хотѣла броситься на могилу, но я не допустилъ ее. Нещастная! сказалъ я ей: излей всю свою горесть въ сердце того, кто принимаетъ въ тебѣ участіе. „Моя „горесть, сказала она, горесть моя „неизмѣрима; — пусть она будетъ „здѣсь — въ моемъ сердцѣ, пусть „будетъ она засыпана, подобно это„му праху, которой засыпанъ зем„лею, пусть будетъ она здѣсь „вѣчно.“ Вѣчно, повторилъ я; какъ это слово безпредѣльно! Міры и солнце ничто предъ нимъ. Нещастная! облегчи свое сердце, открой мнѣ свое нещастіе. „А! молодой человѣкъ, „естьлибъ ты зналъ . . . Но ты „вѣрно ничего не знаешь . . . ты „не трепещешь . . . ты вѣрно не „знаешь моего нещастія. Смотри „здѣсь — подъ этой землею сокрытъ „прахъ человѣка любезнѣйшаго — „моего супруга . . . а я еще жива! . . . „сокрытъ въ нѣдрахъ сырой зем„ли . . . а я еще дышу! . . . сокрытъ „въ тѣсномъ гробѣ — засыпанъ зем„лею . . . и я могу еще жить? . . .

„Нещастная! . . . засыпанЪ землею. . .
„Боже! мой другЪ. . . супругЪ мой. . .
„и я еще не сЪ нимЪ! . . .“ ЗдѢсь упала она на могилу, тяжелые вздохи прерывали ея дыханіе. Я началЪ ее поднимать: успокойся, нещастная! сказалЪ я ей. -- Успокоиться? -- возкликнула она дикимЪ, такимЪ страннымЪ голосомЪ, что сердце мое затрепетало. „Пусти меня,
„ради Бога — пусти кЪ этой моги-
„лѣ; я лишилась супруга и сЪ нимЪ
„изчезло все мое спокойствіе. Суп-
„ругЪ мой! кричала она, я скоро
„соединюсь сЪ тобою — скоро успо-
„коюсь.“ — Нещастная незнакомка! сказалЪ я ей: скажи, гдѣ твой домЪ? я провожу тебя; тебѣ надобно успокоиться. „Я успокоюсь — успо-
„коюсь скоро, только оставь меня.“ — НѢтЪ — я не оставлю тебя ни на минуту; я буду плакать вмѢстѢ сЪ тобою. „Плакать? — о другЪ мой! сказала она сЪ горестною улыбкою, плачь о рѢдкомЪ любезномЪ человѢкѢ.“ Я буду плакать, буду все дѢлать, только успокойся. — Она встала, сердце мое забилось отЪ

радости; я взялЪ ее за руку, и мы пошли вмѣстѣ. Нѣсколько разЪ оборачивалась она и смотрѣла на кладьбище, вздыхала, и слезы навертывались на глазахЪ ея. ЧрезЪ четверть часа пришли мы кЪ деревянному домику, окруженному маленькимЪ садомЪ, вокругЪ коего были крестьянскія избы. Проходя чрезЪ первую комнату, увидѣлЪ я старуху, которая вышла намЪ на встрѣчу сЪ заспанными глазами, бормоча невнятныя слова. Мы вошли вЪ другую комнату, хотя не такЪ богато, но пристойно убранную картинами; на одной сторонѣ стояло изрядное фортепіяно, надЪ которымЪ висѣлЪ портретЪ, закрытый занавѣсью. Она сѣла на софѣ — я на стулѣ. Незнакомка, видя вЪ глазахЪ моихЪ любопытство, сказала: выслушай мое нещастіе, молодой человѣкЪ! — и не жалѣй обо мнѣ — пожалѣй о томЪ, кого я оплакиваю.

„Я родомЪ изЪ города В.. .; еще вЪ моемЪ младенчествѣ лишилась родителей, но при всемЪ томЪ по-

лучила хорошее воспитаніе, за которое я обязана Игуменьѣ одного монастыря, вѣ коемъ я воспитывалась. Будучи 17 лѣтъ, я не знала еще любви. Въ одно время будучи по своему обыкновенію у обѣдни, я увидѣла молодаго человѣка въ черномъ кафтанѣ, съ серебряными пуговицами; лице его было Ангельское. Я взглянула на него; его взоръ встрѣтился съ моимъ, и проникнулъ въ мое сердце, — воспалилъ огонь такой пламенной страсти, которая должна была рѣшить судьбу моей жизни. Невольной вздохъ вылетѣлъ изъ груди моей, слеза выкатилась и упала на трепещущую грудь мою; я сама не знала, что со мною дѣлается, и не услышала, какъ кончилась обѣдня. По выходѣ изъ церкви, онъ проходя мимо меня сдѣлалъ учтивой поклонъ; я также ему — мы поняли другъ друга; — съ того времени узнала я силу любви. Въ скоромъ времени я сдѣлалась его супругою, и жила въ этомъ домѣ; — въ этомъ домѣ протекали дни наши въ удовольствіи и веселіи, и дни казались

часами, часы минутами. Но не долго наслаждалась я этимъ щастіемъ — не долго! Чрезъ два мѣсяца послѣ того, какъ сердца наши соединились, какъ я дала ему руку съ клятвою предъ Олтаремъ, любить его одного — жить для него — дышать имъ; и я его любила, любила такъ пламенно, такъ горячо — но ахъ! . . . лютая смерть посреди нашихъ удовольствій, посреди объятій нашихъ — лютая смерть вырвала его изъ рукъ моихъ! Я видѣла, какъ сіе чудовище длинными сухими своими руками точило лезвіе страшной косы своей, и — ударъ — его ужъ нѣтъ! онъ испустилъ духъ въ моихъ объятіяхъ. Я плакала, мучилась, прижимала его къ трепещущему сердцу, и думала жаркими поцѣлуями оживить хладной его трупъ. . . Но нѣтъ! . . . надежда изчезла. . . . Я просила смерть, чтобъ она прекратила мою жизнь. . . но нѣтъ! — она была неумолима, и на другой день. . . Боже мой! . . . гробъ опустили въ землю и — засыпали. Я хотѣла броситься,

хотѣла лечь вмѣстѣ съ нимъ, но жестокіе люди не пустили меня„ Тутъ ручей слезъ прервалъ ея голосъ; по томъ опять начала :„ Въ этомъ домѣ, гдѣ прежде вкушала однѣ радости, однѣ удовольствія — теперь мучусь — сохну; и вотъ причина всему-этому!..“ Здѣсь открыла она занавѣсъ отъ портрета; вотъ тотъ, кого я оплакиваю, и буду оплакивать, пока кровь не остановится въ моихъ жилахъ — и никогда, никогда не забуду его.„По окончаніи ея послѣднихъ словъ ударило на столовыхъ часахъ 12 ночи. Теперь вамъ нужно успокоиться, сказалъ я ей. Она благодарила меня за участіе, которое я принимаю въ ея нещастіи; и я съ растроганною душею, съ размученнымъ сердцемъ — возвратился домой.

IX.

О ВЕЛИКОДУШІИ.

Nihil eſt tam acerbum, ex quo magnus animus ſolatium capere non poſſit.

Seneca.

Лишившись родителей, друзей, — лишившись шого, что всего любезнѣе; бышь гониму прошивною судьбою, претерпѣвать нещастія, и находить отраду вЪ оныхЪ для своего сердца: — для этого слабо человѣчество. — Но кто таковы суть тѣ, которые среди ударовЪ нещастій, среди ударовЪ гонимой ихЪ судьбы, не только не падаютЪ подЪ тяжестію оныхЪ, но еще сносятЪ ихЪ сЪ нѣкоторымЪ удовольствіемЪ — и нѣтЪ такого нещастія, вЪ которомЪ бы они не получали чего нибудь пріятнаго? — Эти — суть великодушные.

Не льзя сказать, чтобЪ они не чувствовали жестокости своего

жребія — нѣтъ! они его чувствуютъ, и съ великимъ духомъ, съ твердостію сердца переносятъ свои нещастія. Они, вооруживъ сердце свое щитомъ терпѣнія, не только не ропщутъ на Промыслъ, но лобызаютъ десницу, низпосылающую бѣдствія. Среди самой бури нещастій сердце великодушнаго не дрожитъ, умъ его не колеблется: онъ подобенъ адаманту, которой при сильныхъ ударахъ бываетъ крѣпче; подобенъ кедру, презирающему бури; подобенъ кремнистой скалѣ, неподвижно стоящей среди ярящихся волнъ. Таковъ былъ Сократъ; его жизнь есть образъ терпѣнія и великодушія; постоянство его духа было щитомъ противу бѣдъ и напастей; онъ не только сносилъ великодушно, но даже побѣждалъ всѣ бѣдствія. Славнѣйшая его побѣда — была его смерть. Ему приносятъ извѣстіе, что Аѳиняне осудили его на смерть. „Это рѣшеніе давно уже положила имъ Природа„ былъ отвѣтъ его. Онъ выпилъ ядъ, умеръ, и заставилъ самихъ враговъ своихъ сожа-

лѣтъ о себѣ. Великой человѣкъ! Онъ съ мужествомъ противился тиранамъ, презрѣлъ всѣ противности рока, презрѣлъ и самую смерть. — Таковы суть великодушные!

Но, люди — люди! вы, которые при малѣйшемъ потрясеніи столбовъ вашего щастія испускаете вздохи, льете ручьями слезы, впадаете въ мрачную печаль; люди, которые доходите до того, что даже — даже изрыгаете хулы на управляющій Промыслъ; вы, которыхъ не сильно ничто утѣшить! успокойтесь; — есть спасительное лѣкарство для сердца уязвленнаго печалію: — есть Религія. Успокойтесь, и при наступленіи облаковъ нещастія будьте тверды, неколебимы духомъ, и лобзайте Десницу, низпосылающую щастіе для награжденія добродѣтели, а нещастіе для испытанія нашего сердца.

X.

ОТРЫВОКЪ.

Нещастная любовь.

La ſageſſe ne peut rein, quand nôtre ſenſibilités ſoufre beaucoup! ...

Ночь распростираетъ уже мрачную свою ризу; восходитъ луна, утѣшительница нещастныхъ сердецъ; безмолвіе и тишина вокругъ меня царствуютъ, все тихо — все спокойно, кромѣ меня! — Такъ говорилъ молодой влюбленной человѣкъ, скитавшійся по пустымъ мѣстамъ. На лицѣ его изображалось уныніе и отчаяніе. Любовь! до чего ты не можешь довести молодаго, пылкаго человѣка? — Стрѣлы твои смертоносны, язвы твои неизцѣлимы. Вся Природа погружена въ глубокомъ снѣ, такъ онъ продолжалъ, и самыя птицы послѣ пріятнаго пѣнія умолкли, звѣри покоятся въ объятіяхъ сна; все — все спокойно, а я — га! — могу ли я наслаждаться спокойствіемъ?

Удаленный отъ любезнѣйшаго предмета, тщетно простираю я томный взоръ за горы, насъ раздѣляющія; тщетно призываю тебя, дражайшій другъ души моей! вопль мой не достигаетъ твоего слуха. Могу ли я успокоиться въ объятіяхъ сна? — вопіялъ онъ; сонъ убѣгаетъ моихъ очей — одинъ ужасъ — руки мои окровавлены — руки мои осквернены убійствомъ, и мнѣ ли быть спокойнымъ? — убійцѣ? А! небесные громы! для чего вы не поразили меня въ ту минуту, когда я поднялъ убійственныя мои руки, когда я пролилъ кровь моего друга?... Повсюду, гдѣ я ни укроюсь, повсюду страшное видѣніе послѣдуетъ за мною — повсюду будетъ гремѣть проклятіе его друзей, его родственниковъ; проклятіе, меня преслѣдующее. Прочь, мучительное воображеніе!.. вскричалъ онъ, перестань меня мертвить. . . .Или нигдѣ не могу скрыться отъ тебя?... по крайней мѣрѣ здѣсь оставь меня въ покоѣ.... Ослабѣвъ отъ сильнаго внутренняго движенія, онъ упалъ на землю и заснулъ; но сонъ его не былъ

сонЪ спокойнаго человѣка: онЪ кричалЪ и дѣлалЪ страшныя тѣлодвиженія. Во время его сна начали собираться тучи; молнія сверкала; ударЪ грома пробудилЪ его. ОнЪ всталЪ и взглянулЪ на небо сЪ видомЪ горести и отчаянія; волосы его были растрепаны, глаза впали; лице его было подобно полотну. Естьли бы живописецЪ захотѣлЪ изобразить блѣднаго, горестнаго и отчаяннаго человѣка, то этотЪ нещастной — былЪ бы лучшимЪ образцомЪ для его кисти. Непогода отчасу болѣе увеличивалась; страшно свирѣпствовала буря и завывала вЪ ущелинахЪ горЪ; молнія разсѣкала воздухЪ; трескЪ грома былЪ повторяемЪ между кремнистыхЪ утесовЪ; проливной дождь шелЪ, но онЪ не чувствовалЪ, что платье его было мокро; посмотрѣлЪ опять на небо, вздрогнулЪ и началЪ „Ни: одна сверкающая звѣзда не блеститЪ на горизонтѣ — все мрачно — ужасно, все подобно душѣ моей; но я трепещу. . . . . и вЪ семЪ ужасномЪ мѣстѣ робкіе мои взоры видятЪ

потоки ліющейся крови. Га! я слышу хрипѣнія умирающаго.... такъ кровь врага.... врага — что я говорю? — кровь любезнѣйшаго друга вездѣ меня преслѣдуетъ.... Я — я твой убійца — я твой врагъ; мое неистовое бѣшенство *лишило тебя жизни.* (*громъ загремѣлъ*) Чувствую, громъ приближается, слышу страшные его удары.... Бушующіе вѣтры! разорвите черное покрывало ночи, чтобы моря пролились на землю и смыли бы съ меня огненную кровь.... Мракъ ночи окружаетъ меня... скрой — скрой меня вѣчный мракъ, или вы, густыя облака, затмите сей образъ, — образъ, которой повсюду слѣдуетъ за мною... Га! кто? — кто такъ страшно воетъ?... кто такъ страшно клянетъ меня? Вижу пламенной мечь возносящійся надъ главою моею, вижу — и узнаю окровавленную тѣнь моего друга.... Ангелъ мщенія небеснаго!.... тебя ополчилъ Всевышній для наказанія за грѣхи мои.... для истребленія меня.... Но что ты медлишь? — зи!.... истреби меня... истреби

хотя изъ сожалѣнія. . . . . не медли. . . . . не наказывай меня болѣе, ибо моя жизнь — есть наказаніе. Но ты медлишь! . . . . . ты хочешь усугубить мои мученія? . . . . . Такъ я самъ истреблю себя. . . . я самъ . . . . пойду — брошусь съ этой кремнистой скалы, чтобы тѣло мое раздробилось на части.„ — Онъ шелъ, шаги его были робки, дрожащи, и будучи въ совершенномъ разсѣяніи, вошелъ въ пещеру и повалился на землю. Между тѣмъ облака разсѣялись, дождь пересталъ, ночной мракъ изчезъ, и блистающее солнце освѣтило пробудившуюся Природу. Онъ проснулся, и чувствуя жажду, съ поспѣшностію схватываетъ кувшинъ, въ которомъ было немного молока, и которой не извѣстно кѣмъ былъ оставленъ; выпиваетъ его до капли. Нещастный! онъ випилъ ядъ; ибо тарантулъ (*), упавшій въ кувшинъ, лопнулъ. Посмотрѣлъ съ ужа-

(*) Большой ядовитой паукъ.

сомЪ вокругЪ себя; и здѣсь, говорилЪ онЪ, грусть слѣдуетЪ за мною, здѣсь дрожащая моя рука вырѣзала твое имя. О ты, которую я боготворю! — что дѣлаешь ты теперь? — Отвѣчаешь ли вздохами на мои вздохи? — платишь ли слезами своими за слезы, текущія изЪ глазЪ моихЪ? Я знаю, ты плачешь; ибо сердце твое не изЪ кремня сотворено. Я тебя наименовалЪ БогомЪ — но не ты ли причиною смерти моего друга? — Ты. . . . (*ядЪ началЪ дѣйствовать*) Но что гложетЪ мое сердце? — какой змѣй сосетЪ его? . . . Надобно его вынуть, надобно разодрать мою внутренность. . . ОнЪ вышелЪ изЪ пещеры, и бродя долгое время, остановился близь каменнаго утеса. И такЪ мнѣ должно умереть, говорилЪ онЪ томнымЪ прерывающимся голосомЪ; и скоро мстящая смерть. . . . Теперь надобно умилостивить Творца. . . умилостивить мнѣ? — убійцѣ? — Га! — не милосердіе, но одно мученіе ожидаетЪ меня. О Верховный Правитель міра! я трепещу страш-

наго Твоего суда! такЪ — онЪ неизбѣженЪ. Кровь вопіетЪ объ отмщеніи, она скоро будетЪ отмщена — скоро вѣтры развѣютЪ мой прахЪ. (*ядЪ разлился по всѣмЪ его членамЪ; лице, руки и ноги начали пухнуть; онЪ не могши стоять упалЪ на землю.*) Что со мною дѣлается? — Кровь во мнѣ горитЪ. Приди, о смерть! приди, я не могу болѣе сносить сего угрызающаго мученія. АхЪ! кончится ли оно со смертію? нѣтЪ — увеличится.... Ночь покрываетЪ меня своимЪ мракомЪ; я вижу разверзающуюся бездну, вижу адЪ и всѣ мученія, которыя ожидаютЪ меня. Я чувствую ихЪ и здѣсь, — и здѣсь змѣи гложутЪ мое сердце, а тамЪ -- тамЪ, за вратами смерти, еще болѣе. Уже паритЪ хищная птица, которая станетЪ терзать мое сердце. Боже! что я вижу? -- вижу изсохшаго остава, точащаго лезвіе утомившейся косы. Не медли, рази меня!.. я кляну свое бытіе . . . Се постигаетЪ меня Небесное мщеніе . . . вЪ жилахЪ моихЪ течетЪ пламя...все

во мнѣ перегорѣло. . . я дрожу. . . не вижу неба. -- Прости, богъ души моей! -- прости, кровь друга моего. . . . ты уже отмщена. . . я. . . умираю. . .

Не можно изобразить тѣхъ страшныхъ мученій, которыя онъ чувствовалъ, когда дѣйствовалъ ядъ, послѣ коихъ душа злополучнаго любовника разлучилась отъ тѣла, которое чрезъ нѣсколько дней найдено было жителями близь лежащей деревни. Его отвезли въ городъ, гдѣ были его родственники. Никто не могъ бы узнать его, естьли бы не были найдены въ карманѣ его нѣкоторыя записки, по которымъ его узнали. Тѣло его все истрескалось и почернѣло. Родственники сожалѣли объ немъ; враги его перестали быть врагами, и они проливали слезы. Нещастная его любовница не могла снести этого удара: она чрезъ нѣсколько дней скончалась. Тѣла ихъ погребены вмѣстѣ; могила ихъ обсажена печальными кипарисами, гдѣ я часто сижу — сижу долго и оплакиваю его участь.

Чувствительное сердце! урони и ты слезу на гробѣ сего жалкаго молодаго человѣка; оплачь обитателей гроба, и знай, что сколь безсильна мудрость, когда чувствительность наша страждетъ! . . .

XI.

СТОНЪ ПРИ ГРОБѢ М—А.

Поля покрылись черной тѣнью,
Настала ночь — и тишина.
Луна сребриста изъ за облакъ
Выходитъ грусть дѣлить со мной.
Приди, царица блѣдна ночи,
Луна, печальныхъ томный другъ!
Приди грустить о другѣ —
О нѣжномъ и нещастномъ М—а.
Луна! — ты одного находишь,
Безъ друга — съ томною душей.
Я, вспомня вечера пріятны,
Рѣкою слезы лишь лію.
А тамъ слеза будь мой свидѣтель;
Что нѣжно я его любилъ —
Любилъ... но ахъ! — ужь все изчезло,

Увялъ цвѣтъ щастья навсегда.
Среди цвѣтущихъ юныхъ лѣтъ
Любовной страстью наслаждался,
Любилъ онъ страстно милу Со...
Любилъ, и былъ любимъ взаимно;
Но такъ угодно было року,
Прервать чтобъ щастье ихъ навѣкъ.
Нещастный Ма... ты не примѣтилъ,
Что подъ цвѣтами нѣжной страсти
Скрывался ядовитый змїй;
Ты думалъ сдѣлаться щастливымъ,
Но вдругъ ударъ — ты умираешь,
Какъ цвѣтъ весеннїй ты увялъ!
Сраженъ ты острою косою,
Вотъ здѣсь въ могилѣ погребенъ.
Тебя ужь нѣтъ! — мнѣ жизнь несносна,
Ты все, ты все былъ для меня,
Тебя лишился — ахъ! на вѣки;
Мнѣ все несносно безъ тебя.

Ж.

Приди, царица блѣдна ночи,
Луна, печальныхъ томный другъ!
Приди грустить о миломъ другѣ —
О нѣжномъ и нещастномъ Ма. . .

Теперь у хладной сей могилы
Сижу, съ гитарою въ рукахъ;
Печально, томно ее строю,
Пѣть горесть сердца моего.
Ударилъ въ струны — зазвенѣли,
Ударилъ — сердце затряслось,
Слеза на струну упадаетъ —
Я плачу о потерѣ Ма. . .
Пролейте слезы вы со мною,
Младыя, нѣжныя сердца!
Жалѣйте о его нещастьи —
Жалѣйте о любезномъ Ма. . .
Гдѣ вы, щастливыя минуты,
Когда я дружбы нектаръ пилъ? —
Лишился друга — все изчезло,
Осталась въ сердцѣ пустота.

Тебя ужь нѣтъ — га! какъ несносно! —
Надежды нѣтъ уже ни малой,
Чтобы увидѣлись мы здѣсь.
Не здѣсь — въ небесной Эмпирей —
Туда глаза я возвожу,
Ищу въ обителяхъ небесныхъ,
Гдѣ я съ тобой соединюсь.

XII.

ПРИМѢРЪ ХРАБРОСТИ.

Въ то время, когда Италія была разоряема междоусобною войною, происходившею отъ бунтовъ, — одинъ Генералъ, коего имя къ нещастію сокрыто, посланный съ 15 тысячьми войска для усмиренія бунтовщиковъ, при осадѣ одного города оказалъ безпримѣрную храбрость и неустрашимость.

Онъ дѣлалъ многіе приступы; — городъ противился его оружію съ великою упорностію. Въ одномъ изъ сихъ приступовъ потерялъ онъ около 4 тысячь войска, и самъ былъ раненъ въ ногу и лѣвую руку, которая была почти раздроблена — однако не потерялъ своего духа. Онъ, не смотря на сопротивленіе непріятелей, на превосходство ихъ

силЪ — отважился на послѣдній приступЪ, которой, какЪ онЪ говорилЪ, сдѣлаетЪ конецЪ всему дѣлу. На другой день поутру созвавши ОфицеровЪ и нѣсколько отборныхЪ солдатЪ, говорилЪ имЪ: „Друзья мои! сыны отечества, за которое мы проливаемЪ кровь! соберите сего дня всѣ силы ваши — укрѣпитесь! БогЪ *намЪ поможетЪ, и я надѣюсь*, что наша сторона будетЪ торжествовать. Ежели же непріятель будетЪ сильно защищаться по причинѣ *превосходства ихЪ силЪ, то* я намѣренЪ со всѣхЪ сторонЪ окружить городЪ, и вдругЪ лѣзть на стѣну и бить вЪ барабаны; — такое нечаянное произшествіе можетЪ устрашить непріятеля, привесть вЪ безпорядокЪ его войско, при чемЪ и потеряетЪ онЪ свой духЪ.„

ВЪ пять часовЪ утра храброй ГенералЪ сдѣлалЪ приступЪ, сЪ обѣихЪ сторонЪ производили сильной огонь; непріятель защищался упорно, и тогда, какЪ онЪ хотѣлЪ испол-

нить свое намѣреніе, непріятель сдѣлалъ вылазку; армія его устремилась на непріятеля, который принужденъ былъ бѣжать въ городъ.

Храброй, неустрашимой предводитель Италіанской арміи опять предпріялъ исполнить свое намѣреніе. Солдаты начали лѣзть съ великимъ крикомъ по лѣстницамъ; непріятель отбивалъ страшнымъ огнемъ изъ ружей и пушекъ, бросалъ на нихъ бревна, камни и лилъ варъ; въ это время, когда солдаты были почти въ безпорядкѣ, подоспѣло вспомогательное войско на помощь городу, и ударило съ тылу. Войско нашего Генерала не могло собраться въ порядокъ; находящійся въ городѣ непріятель воспользовавшись симъ случаемъ, ударилъ изъ пушекъ съ такою силою, что въ полчаса была навалена куча труповъ. Осаждающій Генералъ, будучи окруженъ съ обѣихъ сторонъ непріятелемъ, не потерялъ своего духу, своей рѣдкой храбрости: онъ, оставя городъ, устремился на вспомо-

тательное войско, и ободряя солдатъ своихъ, большую часть побилъ, а прочихъ прогналъ. Непріятель, находящійся въ городѣ, сдѣлалъ другую вылазку и напалъ на его солдатъ, которые не въ силахъ уже были защищаться. Здѣсь-то храбрый ихъ Генералъ, будучи въ отчаяніи, бросился самъ — вездѣ отъ правой его руки валились трупы; солдаты будучи ободрены имъ, бросились какъ разъяренные львы; въ самомъ жаркомъ сраженіи храбрый Генералъ будучи раненъ въ голову, упалъ безъ чувствъ; его отнесли въ лагерь; мѣсто его заступилъ Полковникъ, находящійся въ его арміи. — Сраженіе продолжалось. Принесши его въ лагерь, завязали голову; спустя нѣсколько минутъ, онъ очувствовавшись спросилъ: для чего принесли его въ лагерь? Ему сказали, что онъ опасно раненъ; онъ отвѣчалъ, что чуше умретъ на полѣ сраженія, нежели въ палаткѣ; — велѣлъ подать лошадь — садится, скачетъ къ городу — бросается

на мѣсто сраженія, и производитъ чудеса храбрости. Солдаты, будучи удивлены, видя своего храбраго Начальника воскресшаго изъ мертвыхъ, собравъ послѣднія свои силы и закричавъ ура! ура! бросились на непріятеля — и прогнали его въ городъ. Однако великой человѣкъ — храброй Генералъ Италіанской былъ раненъ въ бокъ, и ослабѣвая упалъ на землю. Его начали поднимать; онъ сказалъ томнымъ, умирающимъ голосомъ: „Не троньте меня; я радуюсь, что умираю за отечество и притомъ на полѣ сраженія; но жаль, друзья мои! что мы не побѣдили — старайтесь — Богъ вамъ поможетъ; простите!" По окончаніи сихъ словъ великая его душа разлучилась отъ тѣла. — Вотъ примѣръ храбрости и неустрашимости! — Онъ отгадалъ: городъ былъ взятъ и находящіеся въ немъ были побиты. Тѣло храбраго Генерала было погребено съ великою церемоніею; надъ гробомъ его поставленъ мраморной монументъ.

XIII.

ЧЕСТОЛЮБІЕ

И

ПОЗДНОЕ РАСКАЯНІЕ.

ТРАГЕДІЯ.

Дѣйствующія лица:

ГРАФЪ, Рудольфъ Гогенбрукъ.
ПОЛКОВНИКЪ, Леопольдъ Розенморъ.
ГЕНРІЕТТА, дочь Г. Рудольфа.
ЭДУАРДЪ, сынъ Леопольда.
КАРЛЪ, другъ Гр. Рудольфа.
ОТТОМАРЪ, другъ Эдуарда.
БЛОНДИНА, горнишная Генріетты.
КОНРАДЪ, ГОРДІАНЪ, слуги Гр. Рудольфа.
Многіе слуги.

Дѣйствіе происходитъ въ Германіи.

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Полдень.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЭДУАРДЪ (*которой въ своемъ кабинетѣ сидитъ за столикомъ и дорисовываетъ портретъ Генріетты — молчаніе*).

Похожъ! — совершенно похожъ! Твои огненные глаза — твои прекрасныя губы — твоя божественная улыбка! вотъ совершенное произведеніе искусства! — но искуства бѣднаго, — потому что не можетъ изобразить ея сердца. Ахъ естьлибъ произведеніе Природы! — естьлибъ Генріетта — но жестокой ея отецъ! ... Кто-то идетъ! (*прячетъ портретъ*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ЭДУАРДЪ и ОТТОМАРЪ.

ЭДУАРДЪ.

А! Оттомаръ — ты сего дня выѣзжалъ со двора; нѣтъ ли чего нибудь новаго?

ОТТОМАРЪ (*думая*).

Кажется нѣтъ ничего. — Да, я и забылъ — дочь Графа Гогенбрука сговорена.

ЭДУАРДЪ (*какъ громомъ пораженный*).

Сговорена? — За кого?

ОТТОМАРЪ.

Да, сговорена — и скоро будетъ свадьба.

ЭДУАРДЪ.

Дочь Графа Гогенбрука сговорена? — и ты точно знаешь?

ОТТОМАРЪ.

Фу пропасть! не уже ли я стану выдумывать? Я вамъ ясно говорю, (*съ разстановкаю*) что Генріетта,

дочь Графа Рудольфа Гогенбрука, сговорена за Барона Вульфа.

ЭДУАРДЪ.

Сговорена? Генріетта сговорена?

ОТТОМАРЪ.

И будетъ скоро супруга Барона Вульфа.

ЭДУАРДЪ.

И будетъ скоро супруга? – Повтори еще эти дьявольскія слова – повтори, и вонзи мнѣ ножъ въ самое сердце! – Ахъ! я погибъ! – погибъ на вѣки! (*въ отчаяніи бросается въ кресла*)

ОТТОМАРЪ (*съ неудомѣніи*).

Эдуардъ – Эдуардъ! что съ вами сдѣлалось?

ЭДУАРДЪ.

И ты спрашиваешь, что со мною сдѣлалось? Это ли голосъ друга? Я ее люблю – люблю такъ пламенно – такъ горячо – а ты спрашиваешь, что со мною сдѣлалось! (*вставая съ креселъ*) Предатель! ты давно

это зналЪ, и мнѣ не говорилЪ! — до самой смерти не прощу тебѣ этого! —

ОТТОМАРЪ.

Естьли я понимаю что нибудь изЪ вашихЪ словЪ! — да и самой сатана тутЪ ничего не поймешЪ.

ЭДУАРДЪ.

Твоя хитрость — твоя измѣна превосходятЪ и сатанинскую. — Боже! я имѣлЪ друга, и другЪ оставляетЪ меня — измѣняетЪ мнѣ! — Да будетЪ проклята такая дружба!

ОТТОМАРЪ.

Да буду я проклятЪ, естьли я зналЪ о любви вашей! Ваше подозрѣніе совсѣмЪ несправедливо.

ЭДУАРДЪ.

Прости же мнѣ, ОттомарЪ, и пожалѣй обо мнѣ.

ОТТОМАРЪ.

И вы молчали — скрывались отЪ друга?

ЭДУАРДЪ.

Ахъ, другъ мой! какъ могъ я открывать такое чувство, такую тайну, которой я самъ не вѣрилъ?

ОТТОМАРЪ.

И Генріеттѣ?

ЭДУАРДЪ.

Генріеттѣ? — О! наши сердца давно поняли другъ друга. Въ первой разъ ея взоръ встрѣтился съ моимъ, и проникъ въ мое сердце. Я ее видѣлъ, говорилъ съ нею, и съ тѣхъ поръ спокойствіе мое изчезло; — я скоро сойду съ ума. Теперь мнѣ надобно переговорить. Но ея отецъ, жестокой Рудольфъ издавна, къ нещастію моему, презираетъ нашу фамилію. Оттомаръ — другъ мой! помоги мнѣ — посовѣтуй! —

ОТТОМАРЪ (*скоро*).

Эдуардъ — успокойтесь. Нынѣшній вечеръ у Графа маскерадъ; вы можете ѣхать маскированы, и тамъ —

ЭДУАРДЪ (*обнимая его*).

ДругЪ мой! ты возвращаешь мнѣ жизнь. Я поѣду, одѣнусь невольникомЪ и скажу ей, что она наложила на меня оковы, и она одна вЪ состояніи ихЪ снять; что она должна рѣшить судьбу моей жизни, что сЪ нею только могу я быть благополученЪ.

ОТТОМАРЪ.

Только будь остороженЪ, ЭдуардЪ; — не играй отчаянной роли, не горячись; а то худо, естьли вЪ твоемЪ жару обольютЪ холодною водою. — Можешь ли ты еще узнать Генріетту? вить она будетЪ маскирована.

ЭДУАРДЪ

Не узнать Генріетты? — этого Ангела?

ОТТОМАРЪ.

Смотри, чтобЪ вмѣсто Ангела не наскочить на дьявола. (*уходитЪ*)

ЭДУАРДЪ.

О! не бойсь; любовь имѣетЪ проницательные глаза.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЭДУАРДЪ (*вынимая портретЪ*).

ТакЪ — я тебя увижу, милая Генріетта! теперь не хочу тебя разсматривать, не хочу смотрѣть на произведеніе искуства (*кладетЪ портретЪ*). Долго — долго я мучился, долго вздыхалЪ; но теперь — теперь еще болѣе; у меня хотятЪ похитить то, что рождено для меня. — Но какой смертной осмѣлится? — Никто. — АхЪ естьли свершится! - какЪ прижму я тебя кЪ сему трепещущему сердцу, и вЪ совершенномЪ упоеніи радости скажу: ты моя! и я болѣе ничего не хочу. (*молчаніе*) И вЪ самомЪ дѣлѣ ничего недоставало бы кЪ нашему благополучію, но Рудольфъ — БаронЪ ВульфЪ — жестокой РудольфЪ — нашЪ врагЪ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЛЕОПОЛЬДЪ и ЭДУАРДЪ.

ЛЕОПОЛЬДЪ (*неся въ рукахъ письмо*).

Я получилъ письмо отъ пріятеля; онъ пишетъ — но возьми, прочти самъ. (*отдаетъ письмо Эдуарду*)

ЭДУАРДЪ (*читаетъ*).

„Будучи въ домѣ Графа Рудольфа, я слышалъ, какъ онъ часто не „кстати произносилъ слова въ вашу „обиду. Странной человѣкъ! только „и живетъ, чтобъ ругать людей. „Дочь свою Генріетту (*при сихъ словахъ Эдуардъ перемѣняетъ тонъ голоса и запинается*) — „хочетъ выдать за Барона Вульфа, но съ ея „стороны нѣтъ согласія; однакожъ „не будетъ по ее; а что задумалъ „Рудольфъ, то вѣрно сдѣлаетъ (*Эдуардъ совершенно перемѣняется въ лицѣ, и стараясь скрыть свое волненіе, отворачивается*) „Генріетта!„ (*молчаніе*) Нѣтъ, подлой человѣкъ! при первомъ случаѣ я докажу тебѣ,

какЪ поносить честь другихЪ. О! я умѣю учить безразсудныхЪ — Мщеніе!

ЛЕОПОЛЬДЪ.

СынЪ мой! Боже избавь тебя отЪ такой гнусности. ГрафЪ, понося насЪ, самЪ себя поноситЪ и очерняетЪ предЪ глазами умныхЪ людей. — ПростимЪ ему это — забудемЪ.

ЭДУАРДЪ.

Батюшка! прощать обиды — есть дѣло человѣческое; но забывать ихЪ — это не вЪ нашей волѣ. Я этого никогда не забуду.

ЛЕОПОЛЬДЪ.

Какая, думаешь ты, причина тому, что онЪ маратЪ и ненавидитЪ многихЪ людей? Всему этому причина та, что онЪ пресыщенЪ благодѣяніями Фортуны; что онЪ ослѣпленЪ пышностями, которыя нечувствительно разверзаютЪ подЪ нимЪ пропасть, и онЪ долженЪ скоро низвергнуться вЪ нее.

ЭДУАРДЪ (*вышедъ изъ себя, кричитъ.*)

А! Генріетта — нещастная Генріетта! —

ЛЕОПОЛЬДЪ.

Что это значитъ? Какое участіе ты въ ней принимаешь?

ЭДУАРДЪ (*схватилъ руку Леопольда.*)

Батюшка — ахъ! — я люблю! пощадите меня — помогите мнѣ; я люблю страстно!

ЛЕОПОЛЬДЪ.

Кого?

ЭДУАРДЪ.

Дочь нашего врага — божественную Генріетту!

ЛЕОПОЛЬДЪ.

Сынъ мой! знаешь ли ты, что любовь ходитъ съ завязанными глазами? разсудокъ долженъ ее руководствовать, а благоразуміе управлять ея стопами. Знаешь ли ты, какимъ бѣдствіямъ подвергаются молодые люди, которые слѣпо пре-

дающся обманчивымъ прелестямъ страстей, и которые не смотрятъ на пагубныя слѣдствія безразсудныхъ поступковъ своихъ?

ЭДУАРДЪ.

А! батюшка! моя любовь не есть подлая страсть, но пріятное братство. Я не мечтаю о другомъ благополучіи, какъ только прикасаться къ ея рукѣ, и это прикосновеніе не будетъ возжигать моей крови; — воздыхать у ногъ ея – и этотъ вздохъ — будетъ вздохъ невинности. Неужели эти непорочныя восхищенія считаете вы порочными?

ЛЕОПОЛЬДЪ.

Хорошо, я оправдываю твою любовь; но она очень мало смотритъ на препятствія, и думаетъ перепрыгнуть такъ легко кремнистыя скалы, какъ и песчаные бугорки. —

ЭДУАРДЪ (*прерывая его*).

Понимаю, родитель мой! — понимаю, что вы хотите сказать.

ЛЕОПОЛЬДЪ.

Понимаешь? — выслушай же меня. Путешественникъ пренебрегаетъ подводные камни и всѣ опасности, какія только могутъ встрѣтиться, когда разъяренные вѣтры волнуютъ океанъ; пренебрегаетъ — для достиженія своей цѣли; но когда корабль его разбивается о камни — онъ хотя лишается своей цѣли, но схватившись за доску, спасаетъ жизнь свою и сохраняетъ то, что для него всего дороже; наконецъ достигаетъ въ свое любезное отечество, что было его цѣлію. Но тебѣ, сынъ мой, нѣтъ ни малѣйшей надежды. Развѣ ты не знаешь, что ея отецъ — нашъ врагъ — врагъ непримиримый, и ты ласкаешься пустою надеждою? Нѣтъ, это невозможно — оставь.

ЭДУАРДЪ (*съ жаромъ*).

Батюшка! велите мнѣ броситься въ воду, велите броситься съ крутой кремнистой горы, чтобы тѣло мое раздробилось на части: я это сдѣлаю; — но не любить Генрі-

етты, развѣ это отъ насъ зависитъ? — Забыть тебя, кроткая добродѣтельная Генріетта? — нѣтъ! это не возможно. Скажите еще разъ, родитель мой, скажите мнѣ: забудь ее, и пронзите своего сына! И тогда — когда паду я мертвъ, когда душа моя будетъ разлучаться отъ тѣла, и тогда я буду любить ее, и тогда послѣдній вздохъ мой будетъ: я люблю Генріетту!

ЛЕОПОЛЬДЪ.

Молодые люди — молодые люди! вы презираете совѣты своихъ родителей. Но вы сами будете имѣть дѣтей; вы сами будете говорить имъ тоже, что мы повторяемъ вамъ тысячу разъ — но напрасно. Сынъ мой! пощади мою старость.

ЭДУАРДЪ *(беретъ руку Леопольда, и прикладываетъ ее къ своему сердцу).*

И вы не чувствуете, какъ сильно бьется это сердце? *(опуская его руку)* Такъ — вы не чувствуете; ваши чувства ослабѣли, ваша кровь пре-

творилась въ ледъ — ваше сердце сдѣлалось каменнымъ и отвыкло чувствовать. (*обнимая отца*) Почувствуйте, батюшка! — почувствуйте, какъ оно бьется отъ одной мысли, отъ этихъ словъ: я люблю Генріетту!

ЛЕОПОЛЬДЪ (*послѣ молчанія подымаетъ глаза и руки къ небу*).

Великій Боже! умягчи сердце жестокаго Рудольфа! (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ЭДУАРДЪ

Доброй отецъ! Ахъ естьлибъ такого отца имѣла Генріетта! — естьлибъ такихъ отцовъ имѣли всѣ люди: какъ бы щасливы они были! Но Рудольфъ (*вздрагиваетъ*) .. при этомъ словѣ я трепещу — вотъ страшное препятствіе! — Но не уже ли онъ не человѣкъ? не уже ли василискъ родилъ его? не уже ли тигръ его питалъ? (*молчаніе*) Чего тебѣ надобно, суровой отецъ? чего

тебѣ надобно? Требуй — только требуй! — Такъ я паду къ ногамъ его, буду просить — заклинать его — плакать — и естьли выплачу — Боже! — умягчи сердце жестокаго Рудольфа! (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Вечеръ.

Домъ ГРАФА РУДОЛЬФА.

ГЕНРІЕТТА и ЭДУАРДЪ.

(*Маленькая комната, слабо освѣщенная, въ растворенныя коей двери видны ходящіе въ залѣ, которая освѣщена и въ которой слышна музыка.* —

ГЕНРІЕТТА (*прибѣгаетъ изъ залы въ страхѣ, и сбрасываетъ маску; за нею приходитъ маскированный Эдуардъ въ невольническомъ платьѣ и въ цѣпяхъ, затворяетъ дверь, сбрасываетъ маску и бросается предъ Генріеттою на колѣни*)

ЭДУАРДЪ.

Божественная Генріетта! смѣетъ ли невольникъ почитать себя щастливымъ ради своихъ оковъ?

ГЕНРІЕТТА.

Они не будутЪ отягчать его. (*сказавЪ сїе, хочетЪ уйти, но ЭдуардЪ ее удерживаетЪ*) Бога ради, ЭдуардЪ! — насЪ застанутЪ.

ЭДУАРДЪ.

Генріетта! эти оковы ты наложила, ты похитила мой покой, и ты одна можешь возвратить его.

ГЕНРІЕТТА (*въ страхѣ*).

АхЪ, ЭдуардЪ! развѣ ты не знаешь? — мой отецЪ —

ЭДУАРДЪ.

Не уже ли за всю мою горячую любовь буду я презрѣнЪ? — (*молчанїе*) Не ВульфЪ ли занялЪ мѣсто вЪ твоемЪ сердцѣ?

ГЕНРІЕТТА.

Два божества вЪ одномЪ сердцѣ жить не могутЪ. Но моя жизнь вЪ опасности: развѣ ты не знаешь Рудольфа?

ЭДУАРДЪ.

Жестокая, любезная Генріетта! ты меня приводишь въ отчаяніе. Не уже ли мнѣ нѣтъ ни малѣйшей надежды? Ахъ! какъ часто я думалъ о тебѣ, какъ часто представлялъ то блаженство, которое раздѣлялъ бы съ тобою страстный Эдуардъ! Я мечталъ – мечталъ, и восхищенная мысль моя отступала далеко; вдругъ погружался въ горести, приходилъ въ отчаяніе; возмущенной духъ мой томился, страдалъ, и – замиралъ. Я бывалъ безчувственъ подобно камню; опять приходилъ въ себя, произносилъ жалобы землѣ и небу, но все презирало мои стоны, и ты, Генріетта – не уже ли и ты ихъ презришь? Возврати – возврати, жестокая, мой покой, или умертви меня!

ГЕНРІЕТТА (*плачетъ, и съ робостію подходитъ къ Эдуарду*).

ЭДУАРДЪ (*съ жаромъ*).

Генріетта! – произнеси мнѣ жизнь – или смерть.

ГЕНРІЕТТА (*находясь между страхомъ и любовію, наконецъ бросается къ нему въ объятія*).

Живи, любезный Эдуардъ! — живи только для меня! (*обнимается, Эдуардъ цѣлуетъ ея руки.*)

ЭДУАРДЪ.

Кто-то идетъ! (*убѣгаютъ въ разныя стороны*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Темная ночь.

Дворъ Графа Рудольфа.

ЭДУАРДЪ и ГОРДІАНЪ.

ЭДУАРДЪ (*стоитъ въ плащѣ, насунувъ на глаза шляпу*).

Проклятой! какъ долго онъ мѣшкаетъ!

ГОРДІАНЪ (*идетъ, не видя Эдуарда*).

Кто бы это меня звалъ? и чего бы ему надобно? Гмъ! вѣрно какія нибудь любовныя интриги. Только

нѣтъ! — я ужъ заклялся предъ всѣми Святыми . . . проучили ужъ меня они — нѣтъ! ни калачомъ не заманитъ никто.

ЭДУАРДЪ (*подходя къ нему сзади, и показывая кошелекъ съ деньгами*).

А этимъ?

ГОРДІАНЪ (*испугавшись*).

Кто это? эй! кто это?

ЭДУАРДЪ.

Тише — тише, Гордіанъ!

ГОРДІАНЪ (*про себя, но такъ, что слышно Эдуарду*).

Домовой что ли? и имя мое знаетъ.

ЭДУАРДЪ.

Это я, другъ мой Эдуардъ! (*давая ему кошелекъ*) Возьми, это твое.

ГОРДІАНЪ (*съ радости кричитъ*).

Ахъ, Боже мой! не уже ли?

ЭДУАРДЪ.

Тс! дуракЪ, насЪ услышатЪ. Возьми. (*давая ему кошелекЪ*)

ГОРДІАНЪ.

Не за голову ли чью?

ЭДУАРДЪ.

НѣтЪ — шакЪ пустякЪ: — принесть отЪ меня разЪ другой письмо кЪ Генріеттѣ и отЪ нее ко мнѣ — вотЪ и все.

ГОРДІАНЪ (*думая*).

Принесть разЪ другой кЪ Генріеттѣ письмо . . . ГмЪ! правда, я поклялся не вмѣшиваться вЪ любовныя дѣла; но это теперь не вЪ модѣ. (*беретЪ кошелекЪ*)

ЭДУАРДЪ.

Послушай же, ГордіанЪ! (*беретЪ его за руку*) поосторожнѣе — какЪ можно поосторожнѣе! ты знаешь Рудольфа. (*уходитЪ*)

ГОРДІАНЪ.

Надѣйся, какЪ на каменную стѣну.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ГОРДІАНЪ (*держа въ рукахъ кошелекъ*).

О деньги! деньги! — сколько золъ получаютъ отъ васъ люди! Чрезъ васъ человѣкъ изъ бѣдной лачуги переходитъ въ огромныя палаты, отъ васъ бываютъ воры, разбойники; вы искушаете праведныхъ: ну вѣдь Іуда же за серебро удавился. Вы — вы чортъ знаетъ что дѣлаете на свѣтѣ! (*считаетъ деньги*) 25 руб. и еще серебромъ! За что же? за амурное письмецо; вотъ каково влюбиться по уши! — А! аха! Боже помоги приняться за дѣло!

ДѢЙСТВІЕ II.

Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната Генріетты.

ГЕНРІЕТТА и немного спустя БЛОНДИНА.

ГЕНРІЕТТА (*въ спальномъ платьѣ сидитъ печально, облокотившись лѣвою рукою на столикъ, правою перевертываетъ безъ вниманія книгу, вздыхаетъ и задумывается; съ горестію поднимаетъ къ небу глаза и закрываетъ платкомъ лице — молчаніе*)

БЛОНДИНА (*приходитъ и смотритъ на нее, какъ будто ожидая какого нибудь приказанія. Генріетта, взглянувъ на нее, опять перебираетъ книгу*).

БЛОНДИНА

Пора, сударыня, одѣваться; скоро семь часовъ.

ГЕНРІЕТТА (*смотритъ на нее и не говоритъ ни слова*).

БЛОНДИНА (*послѣ молчанія*).

Что вамъ сдѣлалось, сударыня? — Вчера вы въ маскерадѣ были веселы, а теперь такъ печальны! что вамъ сдѣлалось?

ГЕНРІЕТТА (*смотритъ на нее и воздыхаетъ*).

БЛОНДИНА.

Это ли радость, съ какою вы ожидаете Вульфа? Такія-то веселости вы ему готовите, Генріетта! Я васъ не понимаю; съ вами что нибудь случилось непріятное и вы отъ меня скрываетесь.

ГЕНРІЕТТА (*посмотрѣвъ на нее пристально, плачетъ*).

БЛОНДИНА.

Вы плачете? что это значитъ? — Не уже ли вы будете встрѣчать со слезами Барона Вульфа?

ГЕНРІЕТТА.

Со слезами — съ горестнымъ воплемъ.

БЛОНДИНА (*послѣ молчанія*).

Не сдѣлалось ли съ вами нещастія? — Не ужели вы его не любите?

ГЕНРІЕТТА (*скоро*).

Ненавижу.

БЛОНДИНА.

Вы его ненавидите? — Понимаю, сударыня, понимаю причину этой печали, этихъ вздоховъ и этого молчанія. — Чтожъ вамъ сдѣлалъ Вульфъ, что вы его ненавидите?

ГЕНРІЕТТА.

Ничего — я его любила, уважая батюшку; но теперь . . .

БЛОНДИНА.

Развѣ вы забыли, что вы уже сговорены, и вы сами при торжественномъ собраніи объявили свою любовь? — Подумайте; естьли онъ это узнаетъ — онъ съ ума сойдетъ.

ГЕНРІЕТТА (*вставая съ креселъ*)

Пощади меня, Блондина! . . . я въ отчаяніи, я умру — мой отецъ! . . .
(*бросается въ кресла*)

БЛОНДИНА (*подходя къ ней*).

Генріетта! ... Боже! что съ нею дѣлается? —

ГЕНРІЕТТА.

Ахъ! горесть моя чрезмѣрна!

БЛОНДИНА.

Такъ горесть ваша чрезмѣрна? Но для чего вы не любите Вульфа? скажите, Генріетта, откройтесь; ваша тайна будетъ погребена въ моемъ сердцѣ. Естьли случилось по нещастію, — что вы — что сердце ваше отдано другому: ахъ, сударыня! откройтесь той, которая принимаетъ участіе въ вашей горести.

ГЕНРІЕТТА (*бросаясь къ ней на шею*).

Пожалѣй — пожалѣй обо мнѣ, Блондина! мое сердце давно отдано другому. Я по принужденію отца объявила свою любовь Вульфу; но я люблю Эдуарда! Никогда не выдетъ изъ памяти то время, когда я поклялась любить его вѣчно. Ахъ естьлибъ ты его знала! — Его взоръ, голосъ, разумъ, все соотвѣтствуетъ

моему сердцу. ОнЪ думаетЪ то, что я; онЪ хвалитЪ то, что мнѣ нравится; онЪ изЪясняетЪ то, что я чувствую. Я люблю, Блондина, и жалѣю, что еще пламеннѣе не могу любить!

БЛОНДИНА.

Эдуарда? — Нещастная! развѣ вы не знаете, что РудольфЪ презираетЪ — ненавидитЪ его?

ГЕНРІЕТТА.

ТакЪ; я знаю . . . но я рѣшилась —

БЛОНДИНА.

Успокойтесь; кто-то идетЪ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Графъ РУДОЛЬФЪ, ГЕНРІЕТТА и БЛОНДИНА.

ГЕНРІЕТТА (*опрасневшись, подходитъ къ Рудольфу и цѣлуетъ его руку*).

Гр. РУДОЛЬФЪ

Что это? скоро девять — и вы, сударыня, не одѣты?

ГЕНРІЕТТА.

Я нездорова — у меня болитъ голова. —

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Вѣрно послѣ вчерашняго маскерада. Однакожъ Баронъ Вульфъ сего дня обѣщался къ намъ быть, естьли что не помѣшаетъ; надобно одѣться получше.

ГЕНРІЕТТА.

Блондина! изготовь мнѣ черное платье.

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Черное? — Съ ума ли вы сошли, сударыня, — развѣ жениха въ черномъ платьѣ встрѣчаютъ?

ГЕНРІЕТТА.

Батюшка! не уже ли Баронъ Вулфъ будетъ судить о моемъ сердцѣ по платью? — О! такъ онъ ошибется.

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Сударыня — вы знаете, что я не привыкъ слушать никакихъ возраженій. Извольте одѣться пристойно; — вашъ трауръ совсѣмъ не кстати.

ГЕНРІЕТТА.

Трауръ не кстати — почемужъ вы такъ думаете? —

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Трауръ обыкновенно надѣваютъ при погребеніяхъ, въ какой нибудь чрезвычайной печали, а не тогда, когда встрѣчаютъ жениха.

ГЕНРІЕТТА.

Батюшка! естьлижъ и у меня есть на сердцѣ печаль ...(*плачетъ*) Батюшка! почувствуйте, что происходитъ въ этомъ сердцѣ.

Гр. РУДОЛЬФЪ (*съ насмѣшкою*).

Знаю, сударыня! знаю — и чувствую, что какія нибудь пустыя горести и привидѣнія отъ разгоряченнаго воображенія.

ГЕНРІЕТТА.

Привидѣнія? Ахъ! какъ часто чужія глаза бываютъ обмануты наружностію человѣка. Родитель мой! раскройте мою грудь, и вы увидите, что тамъ происходитъ: (*такъ, чтобъ не могъ слышать Рудольфъ*) и ты увидишь тамъ образъ моего Эдуарда.

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Куда какъ мнѣ несносна эта пустая горесть! — я не люблю вашихъ романическихъ вздоховъ — высокихъ чувствъ и другихъ вздоровъ. Генріетта! я требую твоего повиновенія; а что я приказываю, то должно быть закономъ. — Извольте, сударыня, скорѣе одѣваться. (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ГЕНРІЕТТА и БЛОНДИНА.

ГЕНРІЕТТА.

Ахъ естьлибъ онъ почувствовалъ, что происходитъ въ моемъ сердцѣ! Но онъ считаетъ за химеру мои мученія. Долго ли мнѣ быть въ такомъ уничиженіи и тиранствѣ, которое подъ именемъ родительской власти удручаетъ меня? Жестокой отецъ! ты думаешь — ты хочешь принудить меня произнесть клятву предъ Олтаремъ — клятву, которой чуждо мое сердце. Нѣтъ! оно вмѣсто того, чтобы быть послушнымъ, ожесточается. *(садится въ кресла — молчаніе)*

БЛОНДИНА.

Генріетта! оставьте печальныя свои мысли; вы все задумываетесь — совсѣмъ перемѣнились —

ГЕНРІЕТТА *(вдругъ заливается слезами)*.

И отецъ этому причиною —

БЛОНДИНА.

Напрасно вы такъ много ему сказали; — но хорошо, что онъ васъ не понялъ.

ГЕНРІЕТТА.

Ахъ, Блондина! бываютъ такія минуты, въ которыя раны нашего сердца неожиданно обнаруживаются; — когда долго скрываешь свою горесть, то она противъ воли сама собою обнаружится.

БЛОНДИНА (*про себя*).

Богъ знаетъ, что съ нею будетъ! (*вслухъ*) Батюшка вашъ кажется совсѣмъ неумолимъ; вамъ мало надежды.

ГЕНРІЕТТА.

Блондина! какъ мало знаешь ты любовь! — Знаешь ли ты, что она можетъ все преодолѣвать, что все предъ нею ничто?

БЛОНДИНА.

Это правда; — но отецъ властенъ располагать вашею рукою, а за нею должно слѣдовать вашему сердцу.

ГЕНРІЕТТА.

Но это не въ нашей волѣ; (*подходя къ Блондинѣ и прикладывая ея руку къ сердцу*) почувствуй, какъ оно бьется отъ любви къ Эдуарду. Знай, Блондина, что я имѣю право надъ своимъ сердцемъ; я посвятила себя любви — и смерти.

БЛОНДИНА.

Смерти? Боже удали отъ нее эти пагубныя мысли!

ГЕНРІЕТТА (*подходя къ ней смотритъ на нее долго и пристально*).

Блондина! могу ли я совершенно положиться на тебя? могу ли я всего ожидать отъ тебя?

БЛОНДИНА.

Не уже ли вы почли способную къ измѣнѣ ту, которая съ малыхъ лѣтъ привязана къ вамъ какою-то особливою любовію? Не уже ли вы думаете, что подлое чувство войдетъ въ мою душу? — Вы несправедливы, сударыня.

ГЕНРІЕТТА.

Съ этихъ поръ не называй меня сударынею, называй своею сестрою — своимъ другомъ; ты одна осталась, на которую я могу положиться совершенно. (*обнимаетъ ее и цѣлуетъ*) Этимъ поцѣлуемъ заключаю я нашъ союзъ. (*молчаніе*) Теперь мнѣ не нужна твоя клятва; я могу излить тебѣ тайну моего сердца. Не такъ ли?

БЛОНДИНА.

И самая смерть не исторгнетъ ее.

ГЕНРІЕТТА.

Итакъ — ты знаешь, что я люблю Эдуарда — люблю пламенно! Отецъ мой хочетъ меня выдать за Вульфа, котораго я ненавижу; хочетъ исторгнуть у меня клятву, хочетъ отнять у меня Эдуарда; и естьли — естьли отецъ — такъ знай, Блондина, (*вынимаетъ изъ кармана кинжалъ и показываетъ его*) что я умѣю управлять этимъ орудіемъ! Невѣста Эдуарда — или смерти!

БЛОНДИНА (*ужасается*).

Генріетта! Генріетта! — кто *внушилЪ тебѣ эти мысли? Заклинаю* тебя священнымЪ именемЪ дружества, оставь это адское орудіе — докажи, что ты меня любишь; подтверди недавно произнесенную клятву. (*Генріетта молчитЪ и смотритЪ на нее пристально. Блондина бросается предЪ нею на колѣна*) Естьли не трогаетЪ тебя гласЪ дружества, то заклинаю тебя всѣмЪ, что есть свято — оставь это орудіе! (*хочетЪ его вырвать, но Генріетта удерживаетЪ его*)

ГЕНРІЕТТА.

Ты ли это, Блондина? — ты *ли та, которая клялась мнѣ вЪ* совершенной дружбѣ, и теперь — измѣняешь? Га! такЪ ласкать, такЪ обманывать меня!

БЛОНДИНА.

Боже! гласЪ дружбы называютЪ измѣною; гласЪ, происходящій отЪ истиннаго сердца, называютЪ обманомЪ! —

ГЕНРІЕТТА.

Голосъ друга совѣтуетъ мнѣ быть подъ властію жестокаго отца. Знаешь ли ты, что священное право великой души — есть умереть по волѣ?

БЛОНДИНА.

Умереть по волѣ — убить себя, Генріетта! ахъ естьлибъ вы знали, что я чувствую при этомъ словѣ — самоубійство! (*въ сторону*) Великій Боже! она заблуждается; низпосли ей свѣтъ Твоего разума.

ГЕНРІЕТТА.

Что ты тамъ шепчешь, Блондина?

БЛОНДИНА.

Я молюсь о васъ.

ГЕНРІЕТТА.

Помолись, чтобы Богъ далъ силу этой рукѣ (*поднимая вверхъ правую руку съ кинжаломъ*), и не забудь моего Эдуарда! (*уходитъ въ боковую дверь; за нею Блондина*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Карлъ, которой приходитъ въ то время, какъ они уходятъ.

КАРЛЪ (*осматривается во всѣ стороны, но не видя никого, изумляется*).

Что это значитъ? — Здѣсь слышенъ былъ разговоръ, а теперь никого нѣтъ. — Гмъ! что нибудь да есть (*задумывается*). Такъ не уже ли меня заставятъ здѣсь дожидаться, когда я былъ уважаемъ при Дворѣ Короля, котораго я часто острымъ словцомъ выводилъ изъ меланхоліи? тамъ всѣ меня бывало на рукахъ носятъ. А здѣсь дочка Графа заставляетъ меня дожидаться! покорно прошу, естьли кто нибудь это узнаетъ, такъ станетъ на меня указывать пальцами — (*молчаніе; онъ скоро ходитъ по комнатѣ*)

ЯВЛЕНІЕ V.

КАРЛЪ и ГЕНРІЕТТА.

(*Генріетта въ черномъ платьѣ тихо выходитъ изъ боковой двери, и останавливается, не будучи видима Карломъ*).

КАРЛЪ.

Не возгордилась ли она тѣмъ, что выходитъ за Барона Вульфа? Чортъ же меня заставляетъ здѣсь дожидаться. Я пойду къ Рудольфу и скажу ему, (*съ гнѣвомъ*) что его любезная дочка заставила меня часа два дожидать себя въ передней. (*хочетъ итти; но увидѣвъ Генріетту, изумляется, потомъ подходитъ къ ней*) Ахъ! вы здѣсь? — Скажите мнѣ ради Бога, откуда вы взялись?

ГЕНРІЕТТА.

Я пришла изъ уборной комнаты.

КАРЛЪ (*въ замѣшательствѣ*).

Не уже ли? какъ это такъ? — вы шутите —

ГЕНРІЕТТА.

Вы слишкомъ были сердиты и не могли услышать, какъ я пришла сюда. Позвольте спросить, о чемъ вы здѣсь разсуждали?

КАРЛЪ (*въ замѣшательствѣ*).

Это, сударыня — такъ, маленькія домашнія заботы — словомъ, ничто.

ГЕНРІЕТТА.

Вы говорили съ жаромъ что-то о Королевскомъ Дворѣ.

КАРЛЪ.

Я вспомнилъ, сударыня, то время, когда я живалъ при Дворѣ Его Величества, и за столомъ его пивалъ Шампанское, котораго мнѣ вчера чрезвычайно захотѣлось; я послалъ слугу купить, а онъ принесъ мнѣ какого-то сквернаго кислаго вина — и сдѣлалъ меня безъ Шампанскаго — подумайте, сударыня, что бы вы сдѣлали, на моемъ будучи мѣстѣ?

ГЕНРІЕТТА.

Я, будучи на вашемъ мѣстѣ въ такихъ лѣтахъ, какъ вы, совсѣмъ

бы его оставила, и не занималась бы вспоминаніемъ прошедшаго, а думала бы о будущемъ. —

КАРЛЪ.

Ахъ, Боже мой! оставить Шампанское! — не уже ли, сударыня, у васъ на свадьбѣ не будетъ ни одной бутылки? Да! (*перемѣнивъ голосъ*) имѣю честь поздравить васъ съ добродѣтельнѣйшимъ вашимъ супругомъ, Барономъ Вульфомъ — богатѣйшимъ и умнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ; — только, сударыня, позвольте сказать: вы одѣты не кстати.

ГЕНРІЕТТА.

Позвольте сказать вамъ, государь мой! что эти поздравленія со всѣмъ не кстати.

КАРЛЪ.

Развѣ нынѣшній день не стоитъ радостныхъ восхищеній, не стоитъ того, чтобы вы надѣли розовое платье?

ГЕНРІЕТТА.

Вы отгадали.

КАРЛЪ.

Развѣ вамъ противенъ Баронъ Вульфъ? —

(*Генрїетта отворачивается*)

КАРЛЪ.

Умной и почтенной человѣкъ! —

(*Генрїетта совсѣмъ его не слушаетъ*)

КАРЛЪ.

Что вамъ сдѣлалось? — вы такъ сердиты?

(*Генрїетта молчитъ*)

КАРЛЪ (*подходя къ ней*).

Сударыня! сегодни будетъ сюда Баронъ Вульфъ, а завтра можетъ быть наступитъ тотъ благополучный день, въ которой совокупятся всѣ радости жизни!

ГЕНРІЕТТА.

Карлъ — Карлъ! наступитъ тотъ день...

КАРЛЪ.

Тѣ блаженныя минуты, когда вы назоветесь супругою Барона

Вульфа — ахЪ! какЪ я тогда буду радЪ!

ГЕНРІЕТТА.

КарлЪ! замолчишь ли ты? или говори что хочешь, только не про Вульфа.

КАРЛЪ.

ЧемЪ же этотЪ человѣкЪ заслужилЪ вашЪ гнѣвЪ?

ГЕНРІЕТТА.

НичемЪ; — но любовь моя была одна вѣтренность.

КАРЛЪ.

И теперь не любите его безЪ всякой причины, — Барона Вульфа?

ГЕНРІЕТТА.

КарлЪ! — оставь меня. (*идетЪ вЪ сторону*)

КАРЛЪ.

Естьли вамЪ угодно. (*про себя, смотря на нее*) А! понимаю, сударыня — понимаю; вѣрно вЪ вашемЪ сердцѣ нѣтЪ уже мѣстечка для Вульфа. Понимаю; оно занято. — (*хочетЪ идти, но вЪ это время приходитЪ РудольфЪ*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и Гр. РУДОЛЬФЪ.

Гр. РУДОЛЬФЪ (*увидѣвъ Генріетту въ черномъ платьѣ, смотритъ на нее сурово*).

Вы, сударыня, забыли мои приказанія — давно ли вы стали такъ смѣлы? (*возвыся голосъ*) Или ты умнѣе меня? или ты хочешь упрямиться изъ одной прихоти? —

ГЕНРІЕТТА.

Батюшка! —

Гр. РУДОЛЬФЪ (*прерывая ее*).

Я ничего не принимаю въ извиненіе. (*молчаніе*)

КАРЛЪ.

Когда жена моя умерла, я надѣлъ черное платье и носилъ его цѣлой день; на другой день надѣлъ одни черные чулки къ бѣлому кафтану, да и тутъ стали указывать пальцами. А вамъ, сударыня, при пріѣздѣ жениха — Ахъ! (*закрывая рукою ротъ*) я и забылъ, что вы за-

прешили подЪ смершною казнію говоришь объ немЪ.

Гр. РУДОЛЬФЪ.

О БаронѢ ВульфѢ? — Генріешша! о БаронѢ ВульфѢ?

(Генріетта молчитЪ. Душа ея въ смятеніи, вЪ которомЪ видѢнЪ страхЪ и отчаяніе)

Гр. РУДОЛЬФЪ *(съ гнѢвомъ)*.

Безгласная! шы молчишь. — Не думаеше ли вы, сударыня, сами располагашь своею рукою? — Трепещи, недосшойная! мой гнѢвЪ воспламеняешся ошЪ эшой мысли; — и есшьли шы... шв͏оя дерзосшь получишЪ досшойное наказаніе!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Садъ.

Свѣтлая полночь, тишина.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГЕНРІЕТТА (*въ черномъ платьѣ*).

Ахъ естьлибъ эти звѣзды угасли, естьлибъ луна не такъ ясно свѣтила! — Густыя облака! затмите ея сіяніе! — о ночь! разпростращи черной свой покровъ, дабы глазъ измѣнника не могъ увидѣть потаенныхъ объятій вѣрныхъ любовниковъ! (*садится на дерновую скамью; молчаніе*) Какъ перемѣнить судьбу мою? — какъ умягчить непреклоннаго отца? Надежда совсѣмъ для меня погибла; но любовь моя до смерти пребудетъ въ этомъ сердцѣ. — (*смотритъ въ сторону*) Ахъ! какъ онъ медлитъ! онъ не знаетъ, что

каждая минута медленія кажется для меня вѣкомъ. — Что-то шевелится. . . . Ахъ! это онъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ГЕНРІЕТТА и ЭДУАРДЪ.

ЭДУАРДЪ (*бросаясь къ Генріеттѣ*).
Ты ли это, Генріетта?

ГЕНРІЕТТА.
Эдуардъ!

ЭДУАРДЪ (*въ совершенномъ упоеніи*).

И я могу обнимать тебя? Божественная Генріетта! и я могу прикасаться къ этой рукѣ — осыпать тысячью поцѣлуевъ эти пылающія щеки, эти черные глаза! (*цѣлуетъ ее*) И это не сонъ?

ГЕНРІЕТТА.

Нѣтъ, мой любезной, это не сонъ; — но будь поосторожнѣе.

ЭДУАРДЪ (*обнимая ее*).
Ахъ, Генріетта!

(*въ это время ночь становится немного темнѣе*)

ГЕНРІЕТТА (*вырываясь отъ него*).

Бога ради тише!

ЭДУАРДЪ

Генріетта! — и ты въ моихъ объятіяхъ такъ хладнокровна! Или ты не чувствуешь, какъ бьется это сердце, какъ пылаютъ мои щеки? — Генріетта! я люблю тебя больше моей жизни; и естьли — естьли взаимное чувство не наполняетъ твоей груди, то нѣжный, страстный Эдуардъ погибъ вѣчно!

ГЕНРІЕТТА.

Ахъ, Эдуардъ! естьлижъ это только мечта?

ЭДУАРДЪ.

Эту любовь — этотъ чистой пламень, которой наполняетъ мою душу, и ты это называешь мечтою? Нѣтъ! она вѣчна — она будетъ и за дверями гроба.

ГЕНРІЕТТА (*вздрогнувши*).

Гробъ! — какое слово ты произнесъ! любить, и умереть! — Смерть лютая! удержи роковой

ударЪ, удержи — хотя для существЪ пламенно любящихся. Любезной мой! вся надежда для меня погибла; но я клянусь, что любовь моя вЪ этомЪ сердцѣ никогда не истребится. ЭдуардЪ! люби меня еще болѣе, еще пламеннѣе! (*бросается кЪ нему вЪ объятія — молчаніе. ГромЪ гремитЪ*)

ЭДУАРДЪ.

Любезная! ты слышишь — громЪ гремитЪ, но насЪ не поражаетЪ; — мы невинны! Наша любовь есть священная! (*становится на колѣни*) ТакЪ, я клянусь! Внемли мнѣ, верховный Правитель міра! внемлите мнѣ, царица ночи и звѣзды! я клянусь, что любовь моя кЪ Генріеттѣ никогда не измѣнится: она будетЪ вѣчна! и естьли — естьли кто осмѣлится похищать у меня то, что я люблю и буду любить до послѣдняго издыханія; естьли . . . Но какая власть — какой БогЪ можетЪ отнять у меня Генріетту? — Ни что вЪ свѣтѣ! (*обнимаются*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Гр. РУДОЛЬФЪ и тѣ же.

Гр. РУДОЛЬФЪ (*прибѣгаетъ въ бѣшенствѣ, задыхаясь отъ ярости*).

Трепещи, недостойная дочь! — трепещи, гнусной соблазнитель! — Эй! помогите!

(*Генріетта хочетъ упасть къ ногамъ отца, но лишается чувствъ и падаетъ на землю. Эдуардъ стоитъ какъ окаменѣлый, закрывъ руками лице. Слуги прибѣгаютъ съ факелами и шпагами; все сіе должно происходить въ одно время. Рудольфъ, вырывая у одного изъ нихъ шпагу*)

Кровію преступника заглажу я мои обиды! — Но нѣтъ! (*бросаетъ шпагу*) я не буду столько подлъ, чтобы руки мои обагрилъ въ твоей крови! — Прочь дьяволъ отъ глазъ моихъ! — (*къ слугамъ*) Въ темницу его! (*двое слугъ схватываютъ Эдуарда и хотятъ увесть его; Генріетта, пришедши въ себя, въ нѣмомъ отчаяніи бросается къ нему. Рудольфъ, отрывая ее:*) И ты,

презрѣнная тварь — и ты столько же подла, какъ гнусной твой соблазнитель, похититель чести твоей!

(Генрïетта падаетъ къ ногамъ отца, схватываетъ его за руку, хочетъ говорить, но слезы препятствуютъ ей. Въ продолженïе сего времени Эдуардовы тѣлодвиженïя показывали его отчаянïе; онъ, увидя Генрïетту въ ногахъ Рудольфа, бросается самъ, и говоритъ со всемъ напряженïемъ:)

ЭДУАРДЪ.

Безчеловѣчной отецъ! вотъ жертва твоего гнѣва; она невинна! Прости ее — меня наказывай!

Гр. РУДОЛЬФЪ *(съ адскою улыбкою).*

Смѣйтесь дьяволы новой выдумкѣ: — она невинна! *(отъ ярости скрежещетъ зубами и вскрикиваетъ)* она невинна! — Въ темницу соблазнителя! — въ темницу это чудовище! да изгнïютъ тамъ его кости!

(слуги хотятъ весть Эдуарда)

ЭДУАРДЪ.

Люди -- люди! варвары! пустите меня! -- вЪ послѣдній разЪ, Генріетта! *(протягиваетЪ кЪ ней руки; она упадаетЪ вЪ руки близъ стоящему слугѣ; Эдуарда уводятЪ насильно)*

Гр. РУДОЛЬФЪ *(смотрѣвшій по сю пору на Генріетту).*

Скажи мнѣ --- какою дорогою пришелЪ этотЪ подлецЪ вЪ мой домЪ? какими дьявольскими сговорами его сюда заманили? --- какЪ ты допустила обольстить себя? ---

ГЕНРІЕТТА.

РазвѢ АнгелЪ обольщаетЪ человѣка?

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Скажи лучше, нещастная! дьяволЪ во образѣ Ангела.

ЯВЛЕНІЕ. IV.

КАРЛЪ, слуга и тѣже.

(Карлъ въ халатѣ и колпакѣ приходитъ скоро).

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Ахъ, другъ мой! можетъ ли быть отецъ нещастнѣе меня?

КАРЛЪ (*хладнокровно*).

Къ сожалѣнію моему, я это слышалъ; только еще не могу вѣрить, потому что я служилъ 39 лѣтъ и 2 мѣсяца, не имѣя никакихъ нещастій, кромѣ того, что мнѣ вмѣсто Шампанскаго принесли кислаго сквернаго вина, къ великому моему нещастію! а естьли это правда, что я слышалъ, такъ у меня волосы станутъ дыбомъ.

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Безумной! развѣ ты не видишь этого изъ глазъ моихъ? — и ты при всемъ этомъ шутишь, издѣваешься надо мною.

КАРЛЪ.

Пускай мнѣ ни одинъ грѣхъ не простится, естьли я шучу. Да кто осмѣлится причинить вамъ нещастіе?

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Злодѣй — чудовище, нарушивъ всѣ должности, всѣ правила честности, обманувъ эту тварь и пользуясь ея слабостію . . .

ГЕНРІЕТТА (*прерывая его*).

Удержись, родитель мой! я знаю, что ты хочешь произнесть, — я знаю — произнеси — или умертви меня! Я невинна, родитель мой! (*громъ гремитъ*) Громы! поразите меня, естьли я преступница. — Но нѣтъ! въ то время, когда мы находились въ объятіяхъ любви, въ то время они гремѣли надъ главами нашими, и не поражали насъ. — Отецъ, я невинна! —

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Нѣтъ — я не отецъ такой дочери, которая избрала для себя любовникомъ такую тварь, которой осуждено пресмыкаться и погибнуть.

ГЕНРІЕТТА.

Погибнуть? — допуститъ ли Всевышній такимъ добродѣтелямъ, такой душѣ погибнуть? Отецъ! — отецъ! и ты думаешь, что я забуду моего Эдуарда — и ты думаешь? Нѣтъ, я люблю его, и эта любовь вѣчно не измѣнится!

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Не измѣнится? -- не измѣнится? -- Я умерщвлю тебя! -- или ты за Вульфомъ.

ГЕНРІЕТТА (*рѣшительно*).

Никогда!

КАРЛЪ.

Вотъ каково давать дѣтямъ своимъ поблажку! Ей предлагаютъ руку богатаго, что всего лучше, великой фамиліи человѣка, а она еще и носъ деретъ къ верху. Ахъ естьлибъ я...

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Обольщенія соблазнителя сдѣлали ее ко мнѣ ослушною. Проклятіе непокорной дочери! -- проклятіе тебѣ, стыдъ и посрамленіе отца своего!

ГЕНРІЕТТА.

Отецъ меня проклялъ -- пусть клянутъ меня камни и всѣ деревья вокругъ меня стоящія! -- Куда я ни пойду, куда ни укроюсь, пусть проклятіе гремитъ въ ушахъ моихъ! Клянусь и я въ присутствіи Того, Кто сотворилъ для меня Эдуарда, клянусь -- любить его вѣчно! -- Естьлижъ любовь моя начнетъ угасать, естьли другой смертной займетъ мѣсто въ моемъ сердцѣ: то да поразятъ *меня* небесные громы! да низвергнутся на меня горы и дубы, и да раздавятъ меня, какъ невѣрную и какъ измѣнницу!

Гр. РУДОЛЬФЪ.

О естьлибъ кто нибудь раздавилъ тебя, адское исчадіе, предъ моими глазами! Удались съ глазъ моихъ! -- (*къ Карлу*) Другъ мой! поди за нею и не выпускай ее никуда изъ комнаты.

КАРЛЪ.

О! это - то мое дѣло. (*тихо Рудольфу*) Я даю голову на отсѣченіе,

естьли ее не направлю на путь спасенія.

ГЕНРІЕТТА (*уходя*).

Этимъ хотятъ устрашить ту, которая презираетъ и самую смерть!! (*за нею слѣдуетъ Карлъ*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Такъ -- я открылъ тайну, которая давно меня мучила. Я довелъ до крайности Генріетту. -- Но мнѣ извѣстны женщины; надобно непремѣнно употребить совершенное насиліе. Я далъ слово Барону Вульфу -- и не хочу его нарушить; но естьли онъ узнаетъ объ этомъ -- (*топая ногою*) Дьяволъ! Эдуардъ! что ты сдѣлалъ? -- Надобно его запрятать въ хорошенькое мѣстечко, а Генріеттѣ можно сказать, что онъ умеръ; этимъ я надѣюсь, что истреблю ея любовь. Естьлижъ не принужу ее забыть Эдуарда, то въ тужъ минуту удушу его -- хотя не самъ, но съ помощію Карла. -- (*молчаніе*) А естьли эта

жестокость откроется, естьли объ этомъ узнаютъ люди... (*скоро*) Нѣтъ, я рѣшился! (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

(*Въ Генріеттиной комнатѣ, которая съ боковою дверью*)

ГЕНРІЕТТА и БЛОНДИНА.

(*Между тѣмъ мало по малу разсвѣтаетъ. Генріетта выходитъ медленно, за нею Блондина; мрачная задумчивость видна на лицѣ Генріетты; она останавливается, поднявъ вверьхъ руки, и что-то шепчетъ; потомъ молчитъ и садится въ креслы. Блондина смотритъ на нее съ видомъ сострадания и вздыхаетъ, потомъ говоритъ*)

БЛОНДИНА.

Генріетта! вы не спали цѣлую ночь; успокойтесь, сдѣлайте это для той, которая васъ любитъ.

ГЕНРІЕТТА (*не слушая ее, говоритъ томнымъ голосомъ*).

Горесть сдѣлалась для меня всегдашнимъ чувствомъ!

БЛОНДИНА (*про себя*).

И она вгонитъ тебя во гробъ — нещастная!

ГЕНРІЕТТА.

Праведный Боже! Твой только гласъ меня удерживаетъ —

БЛОНДИНА.

Живите! соблюдайте жизнь свою для тѣхъ, которые васъ любятъ: живите для Эдуарда!

ГЕНРІЕТТА.

Для него я только и живу — но надежда... ахъ, мечта!

БЛОНДИНА.

Не отчаевайтесь, любезная! будьте тверды. (*молчаніе*) Ахъ! какъ вы перемѣнились! вы блѣдны, какъ смерть.

ГЕНРІЕТТА.

Нещастія ожесточаютъ душу — наконецъ убиваютъ ее. Это сердце теперь страждетъ, это сердце измучено. — Эдуардъ! ты раздралъ его, и ты въ немъ до смерти пребудешь.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КАРЛЪ и тѣже.

КАРЛЪ.

Послѣ прошедшей трагедіи вы, я думаю, спали сладкимъ сномъ, какъ выпивши бутылку добраго вина.

БЛОНДИНА (*про себя*).

Голодному хлѣбъ на умѣ. (*вслухъ*) Карлъ! вы, я думаю, ничего не можете говорить, не поставивъ въ примѣръ вина?

КАРЛЪ.

А развѣ это не bon mot сказано? (*къ Генріеттѣ*) Не правда ли, милостивая государыня?

(*Генріетта отворачивается отъ него*)

КАРЛЪ.

Вотъ каково! — меня слушаютъ спиною, прошу покорно! — я пришелъ утѣшать —

ГЕНРІЕТТА (*съ горестію*).

Утѣшать? Кто можетъ утѣшить меня нещастную?

КАРЛЪ.

Нещастную — такъ я и думалъ; вамъ предлагаютъ, сударыня, руку почтеннаго, богатаго, любезнаго человѣка, и вы это называете нещастіемъ. О женщины! женщины!

ГЕНРІЕТТА.

О бѣдныя женщины, не имѣющія въ защиту ничего, кромѣ слезъ и стенаній!

КАРЛЪ.

Сударыня! перемѣна состояній такъ васъ устрашаетъ — но Баронъ такъ любезенъ —

ГЕНРІЕТТА (*не давъ ему выговорить*).

Ты утѣшать меня пришелъ, (*молчаніе*) и ты думаешь этими пустыми словами утѣшить мое сердце? — ты мучишь, раздираешь его — и ты думаешь этими доказательствами предразсудка . . . нѣтъ! они слабы для души благородной.

КАРЛЪ (*увидя идущаго Рудольфа*).

Такъ пусть же онъ сдѣлаетъ ихъ похуже, когда мои слабы.

(*Блондина уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Гр. РУДОЛЬФЪ *и тѣже.*

Гр. РУДОЛЬФЪ (*подходя къ Генріеттѣ*).

Дочь моя! забудь твоего соблазнителя — забудь эту тварь! я тебѣ все прощаю.

ГЕНРІЕТТА.

Гдѣ, гдѣ онъ? гдѣ эта милая тварь? Ахъ! для чего его здѣсь нѣтъ, чтобы я могла броситься въ его объятія!

КАРЛЪ (*въ сторону*).

Хоть зарѣжь ее! —

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Генріетта! любовь совершенно тебя ослѣпляетъ. Подумай хорошенько, другъ мой! можетъ ли со-

единенie ваше быть благополучно? — Нѣтъ, оно обезславитъ тебя, сдѣлаетъ пятно моей фамилiи. Ты не можешь быть съ нимъ щастлива; но вообрази себѣ, какое щастie, какое благополучie ожидаетъ тебя въ объятiяхъ Вульфа? — Генрiетта! дочь моя! забудь Эдуарда! ты видишь: (*притворно*) я плачу, соболѣзную о тебѣ.

ГЕНРIЕТТА.

Батюшка! не жалѣйте обо мнѣ, будьте ко мнѣ менѣе милосерды!

КАРЛЪ.

Вообразите себѣ, сударыня, нѣсколько тысячь денегъ, поля, лѣса, лошади, коровы, овцы, (*въ восхищенiи*) Шампанское! ахъ, Боже мой! и это все Вульфа; а у Эдуарда вашего одна бѣдная душа.

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Всѣ посторонніе люди это скажутъ; — и можетъ ли онъ любить тебя нѣжно, постоянно — съ развращеннымъ сердцемъ, будучи бѣденъ, низкой фамилiи?

ГЕНРІЕТТА.

Развѣ состояніе насъ возвышаетъ, развѣ родословная? Не разумъ ли и добродѣтель почтенны бываютъ?

Гр. РУДОЛЬФЪ (*немного возвысся голосъ*).

Генріетта! ты презираешь мое снисхожденіе; такъ знаешь ли ты, что я имѣю право?

ГЕНРІЕТТА.

Право? Насиліе называютъ они правомъ.

КАРЛЪ.

Конечно — отецъ имѣетъ право на все.

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Весь міръ подтвердитъ это, что власть отца не должна находить сопротивленія въ дѣтяхъ своихъ. — Я далъ слово Барону Вульфу, и не хочу его нарушить.

ГЕНРІЕТТА.

Далъ волю требовать моей руки! Какое право онъ имѣетъ на мою нѣжность? и ему нѣтъ нужды въ

моемъ согласіи — и онъ будетъ безчеловѣченъ — будетъ терзать это сердце, въ которомъ царствуетъ Эдуардъ, какъ Богъ въ своемъ храмѣ? Какими муками думаетъ отецъ — думаетъ Вульфъ умягчить это сердце? Развѣ женщину можно мучить безжалостно? — (*молчаніе*) Онъ повлечетъ меня къ Олтарю; — *а естьли женщина — естьли я съ* ужаснымъ воплемъ произнесу на него страшное проклятіе?

Гр. РУДОЛЬФЪ.

А естьли — естьли я оторву сердце соблазнителя отъ твоего сердца? (*съ ярастію*) вырву его, хотя бы оно было сковано цѣпьми желѣзными, я вырву, подлая тварь! изъ твоего сердца этого Эдуарда обольстителя — вырву, или изтреблю его!

КАРЛЪ.

Что будешь дѣлать? — Только что прійдется либо удушить, либо зарѣзать, либо опоить ядомъ.

ГЕНРІЕТТА (*прося*).

И меня — и меня вмѣстѣ съ нимъ!

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Тебя, гнусное исчадіе, тебя — о! я знаю чѣмъ утушить твой пламень: — на вѣки въ монастырь!

ГЕНРІЕТТА (*поднимая руки къ небу*).

Боже! благодарю Тебя за низпосланную ему мысль въ монастырь! — тамъ я буду думать о моемъ Эдуардѣ, тамъ моя любовь найдетъ убѣжище — тамъ избавлюсь я (*выразительнымъ тономъ*) отъ этого пылающаго взору!

Гр РУДОЛЬФЪ.

Га! такъ знаю чѣмъ изгнать идола изъ сердца твоего: страшнымъ взглядомъ, подобнымъ фуріи! (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

КАРЛЪ и ГЕНРІЕТТА.

КАРЛЪ.

Что, Генріетта? (*молчаніе*) Эй! покайся; придетЪ часЪ, когда будешь раскаеваться, но поздно; — тогда право и за меня не погнушаешься выдти. (*уходитЪ*)

ЯВЛЕНІЕ X.

ГЕНРІЕТТА и БЛОНДИНА.

(*Генріетта вЪ отчаяніи бросается вЪ креслы; долгое молчаніе; между тѣмЪ Блондина приходитЪ.*)

ГЕНРІЕТТА.

АхЪ! естьли неукротимая гордость раздраженнаго отца — естьли необузданная его ярость доведетЪ его до того, что онЪ — что онЪ пронзитЪ сердце моего Эдуарда: — тогда что со мною будетЪ? АхЪ! я этого не переживу. — ОтецЪ! не доведи дочери своей до совершеннаго отчаянія. АхЪ! я предчувствую что-то ужасное!

БЛОНДИНА (*чтобы вывести ее изъ этого положенія*).

Генріетта! вамъ надобно подкрѣпиться, вы слабы; вамъ надобно успокоиться.

ГЕНРІЕТТА.

Успокоиться? Развѣ ты не имѣешь сердца? — Такъ, ты его не имѣешь, ты ничего не чувствуешь — ты не жалѣешь обо мнѣ. — Естьлибъ изъ рукъ твоихъ вырвали то, что всего тебѣ на свѣтѣ любезнѣе, могла ли бы ты быть спокойна?

ЯВЛЕНІЕ XI.

ГОРДІАНЪ и тѣ же.

ГОРДІАНЪ (*тихо заглядывая въ двери, бросаетъ письмо*).

Письмо отъ Эдуарда.

БЛОНДИНА (*подхватя его*).

Письмо отъ вашего Эдуарда!

ГЕНРІЕТТА (*съ великимъ любопытствомъ, и скоро развертывая читаетъ*).

„Другъ сердца моего! милая „Генріетта!„ (*говоритъ*)„Эдуардъ —

такЪ! отЪ него. (*цѣлуетЪ письмо*) „Отчаяваться и не умереть! умереть — Генріетта! разлучиться сЪ „тобою, моя любезная! но любовь „моя кЪ тебѣ не изчезнетЪ и сЪ „смертію. Что твой отецЪ будетЪ „дѣлать со мною? Пусть его мщеніе вымышляетЪ муки, какихЪ ни „одинЪ еще дьяволЪ не выдумалЪ „отЪ начала міра: о! я ихЪ не „устрашусь. Ободренный твоею „любовію, я буду любить тебя „вѣчно!„ *ЭдуардЪ.*

(*Генріетта нѣсколько разЪ цѣлуетЪ письмо*)

ВѢчно! говоритЪ мой любезной. Блондина! пойми это ужасное слово; міры и солнце ничто предЪ нимЪ. ВѢчно ты будешь жить здѣсь вЪ моемЪ сердцѣ! (*кладетЪ письмо подЪ косынку*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Гр. РУДОЛЬФЪ и тѣже.

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Дочь моя! Эдуардъ, любовникъ твой измѣняетъ тебѣ; вотъ тебѣ доказательство въ невѣрности.

(*развертываетъ письмо и читаетъ*)

„Милостивая Государыня!

„Любовь моя была ничто иное, „какъ мое заблужденіе. Теперь кора „низпала съ глазъ моихъ; ни со„стояніе, ни достатокъ, ни знат„ность рода намъ не позволяютъ „соединиться. И я желаю вамъ „щастья въ объятіяхъ Вульфа.

Эдуардъ.

ГЕНРІЕТТА (*сжимаетъ письмо, смотритъ въ него и бросаетъ на полъ*).

Скорѣй я повѣрю, что земной шаръ разсыпался, что океанъ высохъ, и что солнце угасло — неже-

ли этому письму. — Слову его я больше вѣрю, нежели клятвамъ міра.

(Рудольфъ въ бѣшенствѣ грызетъ себѣ пальцы, кусаетъ губы и не можетъ говорить ничего. Генріетта вынимаетъ письмо Эдуарда и цѣлуетъ его, которое Гр. Рудольфъ вырываетъ, читаетъ его, дрожитъ, кусаетъ губы, и съ звѣрскимъ видомъ смотритъ на Генріетту.)

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Дьяволъ! — Такъ нѣтъ, сударыня, надежды къ истребленію любви твоей?

ГЕНРІЕТТА.

За дверями гроба она пребудетъ!

Гр. РУДОЛЬФЪ *(раздирая письмо)*.

Такъ я разорву ее; — ты почувствуешь и вострепещешь! (*скоро уходитъ*)

(Генріетта и Блондина уходятъ за нимъ въ слѣдъ)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Комната Гр. Рудольфа.

Гр. РУДОЛЬФЪ и КАРЛЪ.

(Гр. Рудольфъ приходитъ въ задумчивости, за нимъ Карлъ.)

КАРЛЪ.

Больше не чего дѣлать!

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Какъ ядомъ опоить?

КАРЛЪ.

Да, да! естьли вы хотите, чтобы дочь ваша была щастлива и вышла за Барона Вульфа.

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Такъ опоить ядомъ?

КАРЛЪ.

Или удушить; — только нѣтъ, съ его широкою спиною и съ его жилистыми руками не скоро совладаешь. Лучше всего — да и ему спокойнѣе — опоить ядомъ.

Гр. РУДОЛЬФЪ (*задумавшись*).

Карлъ? а люди? — а Богъ? ...

КАРЛЪ.

СамЪ БогЪ накажетЪ васЪ, естьли вы не убьете соблазнителя. Или вы хотите сдѣлать себя всемірнымЪ посмѣшищемЪ? Представьте себѣ, естьли удушить, или отправить Эдуарда, тогда нѣтЪ уже никакихЪ препятствій — тогда мы выдадимЪ Генріетту за Вульфа; и сколько радостей, сколько веселостей ожидаетЪ насЪ! тогда будемЪ за столомЪ попивать Шампанское! —

Гр. РУДОЛЬФЪ (*не давЪ ему договорить, беретЪ его за руку*).

Я вЪ состояніи поцѣловать того дьявола, которой тебя такЪ настроилЪ. Только скорѣе — скорѣе!

КАРЛЪ (*убѣгая*).

КакЪ ядро пушечное изЪ пушки.

ДѢЙСТВІЕ IV.

(*Тюрьма съ боковою дверью, которая отворена, и съ закрытымъ окномъ*).

ЯВЛЕНІЕ I.

ЭДУАРДЪ.

(*Эдуардъ сидитъ на скамьѣ въ мрачной задумчивости; волосы его растрепанны, взоры его мрачны — но твердость видна на его лицѣ; онъ встаетъ, поднимаетъ руки къ небу — долгое молчаніе*).

Она умерла ... Праведный Боже! что естьли вѣсть сія справедлива — что мнѣ остается дѣлать? — Умереть! а! кто не содрогнется, кто не восстрепещетъ при этомъ ужасномъ словѣ? — Но .. нѣтъ, я умру безъ содроганія. Генріетта умерла, и я умру съ радостію. Тамъ (*поднимая руки къ небу*), въ жилищѣ чистыхъ Духовъ, души наши встрѣтятся, и небесный Отецъ съ распростертыми объятіями приметъ насъ и сопричтетъ къ лику праведныхъ. Тамъ въ чистыхъ удовольствіяхъ — а отецъ — мой отецъ ... (*слышенъ стукъ*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ЭДУАРДЪ и КАРЛЪ.

(*Отворяется окно, въ которое Карлъ подавая кусокъ хлѣба и стаканъ воды, смѣшанной съ ядомъ, говоритъ:*)

Такъ мститъ Рудольфъ похитителю чести его дому!

ЭДУАРДЪ (*взявши хлѣбъ и воду, ставитъ на столикъ, стоящій близь окна*).

Человѣкъ ли ты? имѣешь ли ты сердце? Такъ -- ты его имѣешь: ты не оставляешь меня. Скажи мнѣ, что дѣлаетъ Генріетта?

КАРЛЪ.

О! я тебя не оставлю, другъ мой! я о тебѣ жалѣю, только ты пожалѣй самъ, подкрѣпися пищею и питіемъ, и успокойся — (*тихо*) на вѣки! —

ЭДУАРДЪ.

Я тебя спрашиваю, что дѣлаетъ Генріетта?

КАРЛЪ.

Она покоится въ землѣ.

ЭДУАРДЪ (*какъ громомъ пораженный*).

Боже! (*молчаніе; -- къ Карлу*) Естьли не тигръ питалъ тебя, естьли

ты человѣкъ, то прошу тебя, заклинаю: пронзи меня! или подай мнѣ мечь! я буду почитать тебя избавителемъ -- Ангеломъ!

КАРАЪ.

Бѣденькой! словно какъ птичка бьется въ клѣткѣ; -- а чортъ тебѣ велѣлъ влюбиться въ Генріетту! Умертви себя, я подалъ тебѣ смерть. (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ЭДУАРДЪ (*не слушая его, говоритъ со всѣмъ напряженіемъ*).

О громы! раздробите меня; о земля! пожри меня. (*безъ чувствъ бросается на скамью. Приходя въ себя, вынимаетъ изъ кармана портретъ Генріетты, долго на него смотритъ и цѣлуетъ*) Рудольфъ! ты истребилъ самое лучшее твореніе Природы; да истребится твоя память на вѣки! (*беретъ стаканъ въ руки*) Ахъ естьлибъ эта вода превратилась въ ядъ, естьлибъ въ каждой ея капли находилась смерть: -- съ какоюбъ радостію я влилъ ее въ себя! (*льетъ*

съ принужденіемъ) На что теперь мнѣ жизнь? Генріетта умерла, и съ нею мое спокойствіе -- моя жизнь -- мое все! Какъ я любилъ ее! какъ восхищался представляя себѣ, какъ бы сердца наши соединились – мы жили бы вмѣстѣ, и все бы вокругъ насъ веселилось; но это все изчезло, какъ ночная тѣнь при лунномъ свѣтѣ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЭДУАРДЪ и ОТТОМАРЪ.

ОТТОМАРЪ (*вбѣгаетъ боковою дверью и бросается къ Эдуарду, обнимая его*)

Ты ли это, Эдуардъ? -- ты ли, другъ мой? Ахъ какая перемѣна! можно ли тебя узнать? — гдѣ твоя твердость?

ЭДУАРДЪ.

Ты ли это говоришь, Оттомаръ? -- и кому? Нещастнѣйшему Эдуарду, лишившемуся половины своей души -- и ты говоришь ему о твердости! Такъ, я имѣлъ ее, когда любовь Генріетты меня одушевляла; я имѣлъ эту твердость, и не устрашился ни самой смерти; тогда хотя бы я былъ безъ отца, безъ дру-

зей, безъ пропитанія, я бы все это сносилъ спокойно. Но теперь -- теперь (*бросается на шею Оттомара*) теперь пожалѣй о нещастномъ Эдуардѣ! пролей хотя одну слезу сожалѣнія о Генріеттѣ! это нѣсколько успокоитъ меня. -- (*молчаніе*) Отчаеваться и не умереть! (*ядъ началъ дѣйствовать: онъ лишается чувствъ и упадаетъ въ руки Оттомара*)

ОТТОМАРЪ.

Эдуардъ, другъ мой! не умереть -- скажи лучше умереть такъ ужасно!

ЭДУАРДЪ, *приходя въ себя и поднимая глаза къ небу.*

Понимаю, Всевышній! понимаю, Рудольфъ! (*молчаніе*)

(*Между тѣмъ Оттомаръ подходитъ къ столику, беретъ стаканъ, и посмотрѣвъ въ него, вдругъ бросаетъ его на землю*)

ОТТОМАРЪ.

Ядъ! нещастный Эдуардъ ... ядъ!

ЭДУАРДЪ (*крѣпко прижимая Оттомара къ груди своей*)

Ядъ — другъ мой! смертное питіе отъ Рудольфа за пламенную любовь къ Генріеттѣ.

ОТТОМАРЪ.

Леопольдъ, нещастной Леопольдъ! (*убѣгаетъ*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ЭДУАРДЪ (*мало по малу ослабѣваетъ, и взявъ портретъ Генріетты, говоритъ дрожащимъ голосомъ*)

Какъ пріятно — какъ сладостно умерешь отъ руки Рудольфа за то, что я любилъ Генріетту! Благодарю Тебя, Существо превѣчное, за ниспосланную ему мысль. Я радостно ожидаю смерти. Но когда существо мое превратится въ прахъ; когда душа моя вылетитъ изъ этого тѣла: (*прикладывая портретъ къ сердцу*) ты будешь со мною! (*молчаніе*) Ничто не можетъ противиться ѣдкости времени; все истребится, міры разрушатся — величественныя свѣтила падутъ — горы растаютъ — неизмѣримый океанъ изсохнетъ, все обратится къ своему началу; — но любовь моя

будетъ вѣчна! (*молчаніе. Онъ встаетъ, ноги его дрожатъ; онъ шатается и идетъ съ трудомъ въ боковую дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Комната Гр. Рудольфа.

Гр. РУДОЛЬФЪ (*въ размышленіи*).

Рудольфъ — Рудольфъ! что ты дѣлаешь? Ты привелъ дочь свою въ отчаяніе — и ты хочешь приступить къ злодѣянію — къ убійству! -- Но оставить, попустить мерзавцу смѣяться надъ собою и сдѣлаться посмѣшищемъ всего свѣта, когда я и такъ уже довольно обезчещенъ: о! нѣтъ! -- до этого я не доведу себя; я поставлю на своемъ, не на моей душѣ будетъ грѣхъ. (*молчаніе*) А естьлижъ сдѣлаешься посмѣяніемъ ада? --

---

ЯВЛЕНІЕ VII.

Гр. РУДОЛЬФЪ и КАРЛЪ.

КАРЛЪ *приходя съ торжественнымъ видомъ.*

Поздравляю, Ваше Графское Сіятельство, поздравляю! ха! ха! ха!

Гр. РУДОЛЬФЪ (*съ любопытствомъ*).

Съ чемъ?

КАРЛЪ (*смѣется*).

Поздравляю!

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Ты съ ума сошолъ, Карлъ.

КАРЛЪ.

Иной вѣрно бы сошолъ съ ума, думая, какъ бы поискуснѣе, полегче и поскорѣе показать путь въ царство Плутона; а я такъ это все въ пять минутъ сдѣлалъ.

Гр. РУДОЛЬФЪ

Скажешь ли ты, что сдѣлалъ?

КАРЛЪ.

По вашему приказанію я отправилъ Эдуарда на тотъ свѣтъ; или, что все равно, отравилъ его ядомъ, какъ крысу.

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Ты?

КАРЛЪ.

Да; я по вашему приказанію опоилъ его ядомъ.

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Дьяволъ! Карлъ! ты — да ты шутишь надо мною что ли?

КАРЛЪ (*со смѣхомъ*).

Какое шутишь! — онъ, я думаю, вытянулся ужъ какъ дохлая

кошка. Поцѣлуйте меня за это, Рудольфъ; теперь-то попируемъ на свадьбѣ Генріетты! поцѣлуйте меня, Рудольфъ! (*хочетъ обнять его, но Рудольфъ его толкаетъ*)

Гр. РУДОЛЬФЪ (*топая ногою*).

Что ты это сдѣлалъ?

КАРЛЪ (*съ сердцемъ*).

То, что вы приказывали.

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Безумной! безумной! сумасшедшій! Приказывали? Ахъ! я не зналъ тогда, что я говорилъ; я не понималъ - и ты такъ скоро... Пойдемъ, другъ мой, не льзя ли помочь? —

КАРЛЪ.

Вотъ тебѣ на! — самъ приказывалъ умертвить, а теперь воскресить хочетъ; развѣ несутъ мертваго отъ гроба?

Гр. РУДОЛЬФЪ (*съ гнѣвомъ*).

Убійца! не заставь меня требовать отчету въ твоемъ злодѣяніи.

КАРЛЪ.

Отчету? — Я предъ всѣмъ свѣтомъ скажу, — буду публиковать въ Газетахъ, что вы мнѣ ве-

дѣли убить, да и называете меня убійцею.

Гр. РУДОЛЬФЪ (*съ бѣшенствомъ бѣжитъ въ другую комнату, и скоро возвращается съ кинжаломъ.*)

Измѣнникъ — предатель! (*хочетъ заколоть Карла, но онъ убѣгаетъ*) Ахъ! уже и собственныя твари мнѣ измѣняютъ! (*бросаетъ кинжалъ*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КОНРАДЪ и Гр. РУДОЛЬФЪ.

КОНРАДЪ.

Ваше Сіятельство! Генріетта побѣжала съ кинжаломъ въ рукахъ; мы старались ее удержать, но никакъ не могли.

Гр. РУДОЛЬФЪ.

Какъ! — что?

КОНРАДЪ.

Генріетта побѣжала къ темницѣ и кричала: Эдуардъ!

Гр. РУДОЛЬФЪ (*бьетъ себя въ грудь.*)

Ахъ! — понимаю — понимаю. (*скоро убѣгаетъ за нимъ Конрадъ*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тюрьма.

ЭДУАРДЪ (*съ великимъ трудомъ выходитъ съ боковой двери, и держитъ портретъ возлѣ сердца; смертная блѣдность видна на его лицѣ; взоры его мертвы; онъ говоритъ голосомъ умирающаго человѣка.*)

Ахъ! умереть! Насталъ часъ — часъ, въ которой душа моя обратится къ своему началу. — Я чувствую, скоро, скоро соединимся съ тобою, богъ души моей! - Я чувствую. . . Ахъ! я ослабѣваю — огонь палитъ мою внутренность — желѣзная рука давитъ мое сердце. Ахъ! (*обезсилѣвъ упадаетъ на землю; смертныя содроганія*). Праведный Боже! прости мнѣ, естьли я сдѣлалъ на землѣ какое нибудь зло — ничего, кромѣ того, что любилъ Генріетту — прости! (*подноситъ къ губамъ портретъ Генріетты и цѣлуетъ его*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Гр. РУДОЛЬФЪ и ЭДУАРДЪ.

Гр. РУДОЛЬФЪ (*прибѣгая въ изступленіи и не видя Эдуарда*).

Стыдъ излилъ я на свой черепъ! — Карлъ — Карлъ! да пожигаетъ вѣчно огонь тартара твою внутренность! Ты — ты мнѣ совѣтовалъ, твой Сиренинъ голосъ прельстилъ меня — и я послушался его. О безумной! (*бьетъ себя въ лобъ*) я проклялъ дочь свою! — такъ — мое проклятіе, мое бѣшенство привело ее въ отчаяніе! (*Эдуардъ вздыхаетъ; Рудольфъ услыша отступаетъ съ ужасомъ*) Га! кто — кто такъ страшно воетъ? Эдуардъ! Эдуардъ! (*хочетъ броситься къ Эдуарду, но вдругъ съ ужасомъ отскакиваетъ въ сторону — дрожитъ*) Г! г! г! убійца невиннаго агнца! старой младенецъ — безумной Рудольфъ! — (*страшное молчаніе*) Честолюбіе — адское честолюбіе! ты всему причиною, и Эдуардъ — бѣдной невинной Эдуардъ сдѣлался его жертвою. (*подходитъ къ Эдуарду, и смотритъ на него — молчаніе — въ изступленіи*) А!

слышишь ли, Рудольфъ, его хрипѣніе — стонъ смерти? — Видишь ли, какъ Ангели берутъ его душу? она улыбается. — Ахъ! я слышу адскую музыку, и мозгъ засыхаетъ въ моихъ костяхъ; — я слышу, какъ радуются, какъ смѣются всѣ дьяволы — я вижу, какъ они манятъ меня, протягиваютъ ко мнѣ руки — все рыкаетъ на убійцу! — Боже! умилосердись — помилуй! . . . (*бѣжитъ къ дверямъ; въ это время отворяются двери: Леопольдъ и Оттомаръ прибѣгаютъ*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Гр. РУДОЛЬФЪ, ЛЕОПОЛЬДЪ И ОТТОМАРЪ.

Гр. РУДОЛЬФЪ (*бросясь на шею Леопольду*).

Не кляни меня, нещастной отецъ! не кляни! — посмотри на меня — на это лице, и ты увидишь образъ чудовища — образъ проклятаго! — Такъ, проклятіе Божіе постигло уже этотъ черепъ — я вижу мечь гнѣва Божія — О! я его достоинъ.

ЛЕОПОЛЬДЪ *бросается къ Эдуарду въ слезахъ.*

ОТТОМАРЪ.

Поздо -- поздо уже, нещастной отецЪ! поздо уже каешься, честолюбивый РудольфЪ!

ЭДУАРДЪ (*стонетъ*).

О! охЪ!

ЛЕОПОЛЬДЪ (*стоя предъ нимъ на колѣняхъ и рыдая*).

ВотЪ пѣсни брачныя! (*встаетъ и рыдаетъ*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢже и ГЕНРІЕТТА.

Генріетта прибѣгаетъ съ растрепанными волосами и съ кинжаломъ въ рукахъ.

ГЕНРІЕТТА

ГдѢ ты? -- гдѢ ты, любимецЪ моего сердца? (*увидя лежащаго Эдуарда, которой умирая протягиваетъ къ ней руки*) Не спѢши -- ЭдуардЪ! -- не спѢши, женихЪ мой! помедли -- покуда сочетаемся! (*колется и упа-*

даетъ возлѣ Эдуарда; -- обнявши его) пріятно! — пріятно умереть съ тобою! (*страшное молчаніе — Леопольдъ рыдаетъ*)

ОТТОМАРЪ.

Взгляни, Рудольфъ, на жертвы твоего честолюбія!

Гр. РУДОЛЬФЪ (*лишаясь съ чувствъ и упадая въ руки Оттомара*.

Ужасно -- ужасно! -- я за него наказанъ!

ЛЕОПОЛЬДЪ (*съ слезамъ поднимая руки къ небу*).

Праведный Боже! -- прости ему его заблужденіе. (*занавѣсъ опускается*)

XIV.

МОРИЦЪ,

или

ЖЕРТВА МЩЕНІЯ.

Богемской Графъ Моргонъ воспиталъ дѣвицу Сигизбету, какъ свою дочь, — дѣвицу низкаго состоянія, но благородной души; онъ имѣлъ также залогъ супружеской нѣжности, который ему оставила вѣрная Каролина; онъ имѣлъ двухъ сыновей: Густава и Морица. На одномъ мѣстѣ растетъ роза и крапива; на одномъ деревѣ родятся горькіе и сладкіе плоды. Густавъ и Морицъ были дѣти одного отца и одной матери, и дѣти — другъ съ другомъ несходные. Морицъ былъ добръ и откровенъ: Густавъ былъ скрытенъ и коваренъ; на Морицовомъ лицѣ изображалась доброта души его, его сердце чувствительное къ гласу нещастныхъ — чув-

ствительное къ любви: душа Густава была мрачна, его сердце не чувствовало ни гласа нещастныхъ, ни гласа дружбы: онъ былъ гордъ и презиралъ всѣхъ; Морицъ любилъ всѣхъ, и всѣми былъ любимъ. — Но одинъ отецъ предпочиталъ ему Густава; одинъ Моргонъ говорилъ, что голова Морица вскружена романическими вздорами; что сердце его очень — очень чувствительно; однимъ словомъ: Моргонъ болѣе любилъ хитраго Густава, нежели добраго, откровеннаго Морица. Га! онъ не зналъ, что *при смерти простретъ хладныя руки къ Густаву, и обниметъ одну только тѣнь.*

Отъ природы Морицъ получилъ духъ, ищущій славы; съ малыхъ лѣтъ любилъ онъ воинское оружіе; съ малыхъ лѣтъ привыкъ онъ управлять пышущимъ конемъ, и въ густыхъ Богемскихъ лѣсахъ, на крутыхъ горахъ, поражать дикихъ звѣрей; съ малыхъ лѣтъ онъ росъ и воспитывался вмѣстѣ съ Сигизбеттою. Часто, сидя у ручья, проводили они время въ невинныхъ

играхъ; Морицъ, убивъ или пой*мавъ птицу*, подносилъ Сигизбетъ, — и она накладывала на него вѣнокъ, сплетенный ею изъ цвѣтовъ; Морицъ стрѣлялъ иногда изъ пистолета, говоря: *за здоровье Сигизбеты!* — и красавица благодарила его поцѣлуемъ. Они безъ всякаго принужденія изливали свои чувства, которыя имъ казались чувствами братской нѣжности. Морицъ съ малыхъ лѣтъ любилъ ее, какъ сестру, и Сигизбета любила Морица, какъ брата. Графъ Моргонъ воспиталъ ихъ въ сей сладкой мечтѣ. Густавъ же, съ наморщеннымъ лбомъ, съ глазами наполненными яростнаго огня — Густавъ, ищущій всегда уединенія, мало занималъ Сигизбету, она только его почитала какъ сына своего благодѣтеля, своего отца; — но сердца Морица и Сигизбеты съ малыхъ лѣтъ были связаны. Морицъ въ отсутствіи Сигизбеты былъ задумчивъ и невеселъ; его любимая шпага валялась въ пыли, его пистолеты покрывались ржавчиною. Сигизбета,

когда МорицЪ ѣздилЪ на охоту, часто вздыхала, боялась — сама не зная чего, боялась, чтобы онЪ не ушибся, или чтобы не случилось сЪ нимЪ чего непріятнаго; по-*часту стояла она у окна, и сЪ не-*терпѣніемЪ ожидала Морица. Когда онЪ возвращался сЪ охоты, Сигизбета прыгала, обнимала его, отирала *сЪ его лица потЪ, брала его* мечь и смывала запекшуюся на немЪ кровь убитыхЪ МорицомЪ звѣрей. ТакЪ проходило время ихЪ молодости.

Наступила весна Сигизбеты, и грудь ея начала подыматься выше, очи ея начали покрываться румянцемЪ; она была жива, проста — какЪ невинность, и ласками, приличными дѣвицѣ, возжигала искру, находящуюся вЪ груди Морица; наконецЪ воспламенила сильной огонь страсти, которая должна была рѣшить судьбу его жизни; братская его нѣжность и дружба превратилась вЪ пламенную любовь — но любовь священную, основанную на правилахЪ добродѣтели.

Морицу было уже осьмнадцать лѣтъ — и его важное лице, густыя брови, черныя, поражающія глаза показывали что-то величественное. Морицу наступило уже то время, началась та эпоха жизни, въ которую онъ долженъ былъ платить благодарностію отечеству за его попеченія, — платить какъ общей матери, пекущейся о своихъ дѣтяхъ; ему должно было оставить отца, родныхъ, друзей, и — оставить Сигизбету — оставить, чтобы послѣ увидѣть ее въ объятіяхъ другаго. Га! это одно мучило Морица, это одно только его удерживало; онъ нѣсколько разъ хотѣлъ открыться отцу въ своей страсти, хотѣлъ броситься къ ногамъ его и просить, чтобы позволено ему было, такъ какъ Густаву, остаться дома. Но голосъ благороднаго рвенія, зовущій его на поле славы, отъ этого его удерживалъ; — онъ рѣшился ѣхать, и опять слово *любовь* трепетало на дрожащихъ губахъ его; онъ опять предавался сладостному заблужденію; онъ искалъ

случая, чтобы выплакать у отца позволеніе, остаться при немЪ, или — естьли это не возможно, чтобы Сигизбета была невѣстою до его возвращенія. На послѣдней мысли онЪ остановился; но случай не позволилЪ ему говорить сЪ отцомЪ; — и онЪ, обвиняя судьбу, обвиняя любовь, которую онЪ уже не вЪ силахЪ былЪ преодолѣть, на другой день непремѣнно рѣшился отправиться для опредѣленія вЪ гусарской полкЪ. Но какЪ сильна его любовь! ОнЪ хочетЪ поговорить сЪ Сигизбетою, хочетЪ ей открыться вЪ пламенной любви своей, хочетЪ потребовать отЪ нея клятвы вЪ вѣчной кЪ нему любви, и даже хочетЪ просить ее, чтобы она сЪ нимЪ убѣжала: — но добродѣтельное его сердце покоряетЪ это неблагоразуміе законамЪ разсудка, правиламЪ тонкаго чувства; его сердце не способно нарушить священнаго, сыновняго долга — не способно нарушить спокойствія престарѣлаго отца, котораго онЪ любилЪ, не смотря на то, что онЪ предпочиталЪ ему Густава.

На другой день, съ слезою Моргонъ, съ хладнокровіемъ Густавъ, съ рыданіемъ Сигизбета, проводили Морица изъ замка. Онъ пріѣхалъ въ полкъ, явился къ Шефу, и понравившись ему по высокому и статному росту, по добрымъ качествамъ ума и сердца, былъ опредѣленъ въ Шефскую роту.

Густавъ, оставшійся при отцѣ, считался въ гвардіи, и живучи дома, получалъ чины безъ заслугъ — безъ достоинствъ. Моргонъ, любя его и по слѣпой своей страсти утвердилъ на его имя почти все имѣніе, а бѣдному Морицу должно было пріобрѣтать своими собственными трудами — въ потѣ лица.

Сигизбета, по разлукѣ съ Морицомъ, совершенно перемѣнилась: прежняя живость ея изчезла, розы на щекахъ ея поблѣднѣли; она становится задумчива — она ищетъ уединенія, удаляется въ рощи, ищетъ покою, и нигдѣ не находитъ его; — по цѣлому часу пролеживала она распростершись на землѣ, и смотря на небо, проливала слезы —

и слезы текущія, какъ она думала о братѣ — эти слезы текли о любовникѣ. „Боже! говорила она , естьли роковая пуля попадетъ въ его сердце, естьли рука непріятеля раздробитъ ему черепъ: тогда что со мною будетъ? Я разлучена съ нимъ на долгое время; — Морицъ, любезной Морицъ! я разлучена съ тобою можетъ быть — навѣки!“ Эта мысль была ужасна для ея сердца, пламенѣющаго любовію. Въ такомъ положеніи заставалъ ее часто Моргонъ, и сколько ни старался узнать причину ея печали, сколько ни старался утѣшить ее — но не могъ. Въ такомъ положеніи, съ полуоткрытою грудью, съ лицемъ, омоченнымъ слезами, засталъ ее однождьт Густавъ, и огонь сладострастія проникъ всѣ его чувства. Сигизбета, при видѣ Густава, встаетъ, хочетъ идти, но онъ ее удерживаетъ; стройной ея станъ, бѣлизна лица съ томнымъ румянцомъ, голубые, небесной лазури подобные глаза, русыя природныя кудри, лежащія по плечамъ

ея — эти прелести уподобляли ее Граціи — и эти прелести плѣнили Густава, незнавшаго никогда чувствительности, знавшаго любовь по одному только грубому вождѣлѣнію, любовь, коея пламень тотчасъ угасалъ послѣ удовлетворенія. Густавъ возъимѣлъ сладострастное пожеланіе къ невинной Сигизбетѣ. Онъ беретъ ее за руку; Сигизбета противится — кровь сильно въ немъ волнуется — онъ ее останавливаетъ, и съ притворною нѣжностію говоритъ ей:

Густавъ. Могу ли я знать причину вашихъ слезъ, милая Сигизбета?

Сигизбета. Я плачу о моемъ и вашемъ братѣ. Богъ знаетъ, что съ нимъ дѣлается!

Густавъ. Чрезвычайно радъ, что сыскалась такая добрая душа, которая принимаетъ въ немъ участіе; но ваша печаль — ваши слезы показываютъ великую горесть, и эта горесть происходитъ не отъ одного участія — и не уже ли эта

горесть неутѣшима — не уже ли отецъ мой — вашъ благодѣтель, которой такъ васъ любитъ, не въ состояніи васъ утѣшить?

Сигизбета. (*со слезами*) О Густавъ! естьлибъ ты зналъ, сколько я его люблю!

Густавъ. Вы его любите? О! такъ это совсѣмъ другое — а не участіе. Сударыня! — чрезмѣрная любовь есть тиранъ; и не уже ли не въ состояніи замѣнить мѣсто Морица я, которой столько буду васъ любить, милая Сигизбета? Поведеніе мое доказываетъ вамъ мою честность и справедливость словъ моихъ; я имѣю полную власть надъ всемъ имѣніемъ, и ничего не недостаетъ къ довершенію моего благополучія — кромѣ вашей любви, и съ нею руки вашей. Сигизбета! — клянусь — всегда любить тебя; клянусь — никогда тебя не оставлять, и съ позволенія батюшки...

Сигизбета. (*прерывая его*) Постой, Густавъ! — знаешь ли, кто я? — Я сирота, безъ родственниковъ, безъ друзей.

Густавъ. Клянусь, я буду вѣчно твоимъ другомъ, буду вѣчно любить тебя! (*хочетъ обнять Сигизбету, но она отталкиваетъ его*)

Сигизбета. (*съ гнѣвомъ*) Прочь! — ты хочешь обольстить меня; — я знаю — твоя любовь, подобно почкамъ, выходящимъ на деревѣ отъ солнечнаго луча; — но я была бы безумна, повѣривъ, что изъ этихъ почокъ родятся цвѣты, или произрастутъ вѣтви — была бы безумна, естьли бы въ той надеждѣ начала строить хижину, что эти вѣтви осѣнятъ ее. Такъ! — я знаю, ты хочешь обольстить меня; твоя клятва подобна слѣдамъ маленькихъ насѣкомыхъ, заносимыхъ Ливiйскимъ пескомъ.

Густавъ. О прекраснѣйшая изъ женщинъ! естьлибъ ты знала, какъ я люблю тебя!

Подобно хитрому ястребу, тихонько удаляющемуся въ сторону, дабы лучше обмануть голубя, котораго онъ хочетъ поймать: Густавъ

оружіемЪ лести и краснорѣчія старается уловить Сигизбету; но она молчала, исполненна гнѣва. ГуставЪ сколько ни представлялЪ ей, что онЪ богатЪ, что все имѣніе принадлежитЪ ему одному; сколько ни старался унизить Морица, но все было тщетно. Скорѣе бы онЪ могЪ изЪ средины горы вырвать камень — скорѣе бы могЪ поколебать скалу, недвижимо стоящую среди ярящихся волнЪ, нежели Сигизбету; она любила Морица, и сЪ презрительною улыбкою отвергла всѣ представленія Густава, презрѣла всѣ стрѣлы, которыя клевета метала на добродѣтель — весь черной ядЪ злобы, которымЪ ГуставЪ хотѣлЪ замарать Морица.

Сигизбета! — знаешь ли, кто я? — знаешь ли, кому ты сопротивляешься? — Я имѣю совершенную власть надЪ тобою и твоимЪ МорицомЪ; — его жизнь и твоя вЪ моихЪ рукахЪ; — я захочу, и вы оба пресмыкаетесь во прахѣ! ТакЪ вскричалЪ наконецЪ раздраженный и воспламененный сладострастіемЪ

Густавъ; но Сигизбета удалилась отъ него — она вышла изъ саду.

Густавъ остался одинъ, и долго стоялъ въ задумчивости. „Я знаю женщинъ: — ихъ жаръ подобенъ снѣгу, истаевающему при первомъ лучѣ солнца — я знаю ихъ. Я Полковникъ — Морицъ Порутчикъ; естьли не любовь, такъ честолюбіе приведутъ Сигизбету въ мои объятія; эта птичка скоро будетъ въ моихъ рукахъ, только еще надобно побольше употребить артиллеріи вздоховъ и орудія лести.„ Такъ думалъ сладострастный Густавъ, и занимаясь прожектами, чтобы уловить Сигизбету въ свои руки, вышелъ изъ саду.

Морицъ, за свою отличную ревность и за мужество, которое онъ оказывалъ на нѣкоторыхъ сшибкахъ, получилъ чинъ Порутчика — оказывалъ, поощряемъ будучи любовію. Когда съ лица и груди его потъ лился ручьями, когда силы его ослабѣвали, то любовь подкрѣпляла ихъ -- и онъ, съ саблею въ рукахъ, прочищалъ себѣ дорогу. Спустя нѣсколько время-

ни, онЪ получилЪ самое лучшее украшеніе воина — получилЪ рану, которая сдѣлала рубецЪ на его лбу, однако не обезобразила его лица, за что онЪ былЪ награжденЪ чиномЪ Капитана! МорицЪ начиналЪ уже восхищаться, что скоро возвратится вЪ замокЪ отца; что скоро прижметЪ Сигизбету кЪ своему сердцу, и будетЪ покойно засыпать вЪ ея объятіяхЪ — такЪ! - онЪ восхищался; любовь умѣетЪ ласкать.

Уже голова Моргона убѣлилась лѣтами; шестьдесятЪ разЪ уже онЪ видѣлЪ, какЪ поля покрывались цвѣтами, какЪ борей оковывалЪ льдистыми цѣпями быстрыя воды; уже силы его истощевались, онЪ уже чувствовалЪ скорой конецЪ свой, и хотѣлЪ при жизни разпредѣлить дѣтей своихЪ; онЪ хотѣлЪ благословить ихЪ, и написалЪ кЪ Морицу, чтобы онЪ пріѣхалЪ.

ВорЪ, готовый разломать двери, не такЪ боится лаянія собаки; ястребЪ, готовой поймать голубя, не такЪ боится нападенія ворона, какЪ затрепеталЪ ГуставЪ, увидя

страшное препятствіе своимЪ намѣреніямЪ. Га! какЪ я былЪ безуменЪ, что не могЪ предвидѣть этого! но еще буду безумнѣе, естьли не отвращу препятствія, покуда есть еще время.,, МоргонЪ писалЪ другое письмо кЪ Морицу; ибо первое, по причинѣ перехода гусарскаго полку на другія квартиры, не дошло. Сигизбета сидѣла подлѣ окна и шила вЪ пяльцахЪ: приходитЪ ГуставЪ, и сладострастный взорЪ бросаетЪ на Сигизбету, подходитЪ кЪ Моргону и говоритЪ:

ГуставЪ. Конечно письмо кЪ Морицу?

МоргонЪ. ТакЪ, любезный ГуставЪ.

ГуставЪ. Батюшка! позвольте вамЪ сказать, что вы напрасно его отзываете сЪ поля славы; его мужество довольно уже извѣстно; можетЪ быть скоро онЪ получитЪ повышеніе чина.

МоргонЪ. Не уже ли ты чины предпочитаешь отеческому благословенію? Я и такЪ много его оскорблялЪ;

я уже старЪ, БогЪ знаетЪ, можетЪ быть скоро умру, а онЪ можетЪ быть помнитЪ мои оскорбленія и мнѣ не проститЪ ихЪ. Помнишь ли ты, ГуставЪ, то время, когда я укрѣпилЪ за тобою все имѣніе? — я его обидѣлЪ; — еще — когда онЪ отправлялся вЪ полкЪ и просилЪ у меня человѣка — я ему отказалЪ; — просилЪ у меня лошади — я ему не далЪ? О! я много — очень много его обижалЪ.

ГуставЪ. Батюшка! онЪ добродѣтеленЪ, онЪ не помнитЪ и не считаетЪ никакихЪ обидЪ. Естьли ему нужно имѣніе, то я сЪ радостію отЪ него отказываюсь, я всемЪ радЪ для него жертвовоть. Мнѣ и вамЪ, я думаю, пріятно — очень пріятно слышать о Морицѣ, что онЪ производитЪ чудеса храбрости, что его награждаютЪ, и эти награды поощряютЪ его идти на поле сраженій — на поле славы; такЪ — вамЪ это пріятно, и вы же хотите погасить этотЪ огонь брагороднаго рвенія, хотите его отторгнуть отЪ его подвиговЪ! —

Сколько ни представлялъ Густавъ доказательствъ, какія только ревность могла выдумать; сколько ни старался уговорить Моргона, чтобы онъ не возвращалъ Морица: но ни чемъ не могъ потушить пламени отеческой нѣжности. Письмо было послано. Сластолюбецъ вознамѣрился произвести въ дѣйство свое предпріятіе, вознамѣрился, чего бы то ни стоило, залучить въ свои руки невинную Сигизбету, которая въ продолженіе разговора сидѣла съ слезами на глазахъ; благородной стыдъ препятствовалъ ей вступиться за Морица.

Густавъ вышелъ изъ комнаты, и занимаясь своими планами, вошелъ въ садъ; тутъ пришло ему въ голову дѣло — достойное изверга! онъ подкупилъ слугъ и искалъ случая, чтобы произвести его въ дѣйство. На другой день, когда лучь заходящаго солнца мелькалъ еще на шпицахъ башенъ, Густавъ былъ въ саду, — какъ вдругъ предметъ его занятій являетcя. Сигизбета, по своему обыкновенію, приходитъ въ садъ,

чтобы свободно думать о Морицѣ — чтобы вспоминать прошедшія невинныя удовольствія, которыя раздѣляла она съ Морицомъ, или — наслаждаться будущностію. Густавъ того и искалъ. По его мановенію являются пять человѣкъ, схватываютъ Сигизбету, и — не смотря на ея крикъ, на ея слезы, на ея прозьбы, связываютъ и отводятъ ее въ отдаленную башню. Густавъ слѣдуетъ за нею; — приходятъ къ башнѣ — желѣзныя двери отворяются: — избирайте, сударыня, закричалъ сластолюбецъ, любое: или гнить въ глубокомъ погребѣ, или вольность! — Этого мало, естьли ты будешь соотвѣтствовать моей любви, то — ты будешь моею супругою, моею повелительницею. — Густавъ! закричала Сигизбета вся въ слезахъ; Густавъ! продолжала на упавши на колѣни, что ты хочешь дѣлать? побойся Бога! — И камень, я думаю, тронулся бы слезами невинной, но извергъ — Густавъ былъ безчувственнѣе камня;

ея слезы больше его воспламеняли, и онъ сказалъ ей:

Густавъ. Сигизбета! — для чего ты такъ мила — для чего любовь. . .

Сигизбета. Развѣ любовь позволяетъ быть преступникомъ — похитителемъ чести дѣвицъ?

Густавъ. Преступникомъ? и ты побужденіе любви называешь преступленіемъ? Такъ будь же жертвою своего упрямства — сиди здѣсь. — Сказавъ сіе, онъ захлопнулъ дверь, и оставилъ нещастную Сигизбету простершуюся на голой землѣ. Нѣсколько времени она была погружена въ мрачную безчувственность. Боже! *воскликнула наконецъ она*, праведный Боже! не уже ли Ты оставишь меня? не уже ли Ты не защитишь безпомощную?... Послѣ сихъ словъ *лучь надежды просіялъ въ* душѣ ея — Морицъ скоро пріѣдетъ!

Ввечеру Моргонъ спрашиваетъ Сигизбеты — ему отвѣчаютъ, что она вышла въ садъ. На другой день онъ ее зоветъ — ему отвѣчаютъ,

что она нездорова. Онъ хочетъ непремѣнно ее видѣть, какъ вдругъ прибѣгаетъ Густавъ и съ притворнымъ смятеніемъ вскрикиваетъ: родитель мой!

Моргонъ. Что съ тобою сдѣлалось?

Густавъ. Сигизбета — ахъ! я боюсь поразить васъ ударомъ!

Моргонъ. Сынъ мой! — ударомъ?

Густавъ. Она, забывъ ваши благодѣянія и допустивъ обольстить себя . . .

Моргонъ. Удержись, сынъ мой — ударъ! — пощади меня — ударъ! (*бросается въ креслы*)

Густавъ. Этого мало, родитель мой! обольщенная, не извѣстно кѣмъ — убѣжала.

Моргонъ. Убѣжала? — Нещастная — обольщенная тварь! — и ты готовила этотъ ударъ для сѣдой моей головы. Га! это ли благодарность за мои отеческія благодѣянія? — для того ли я открылъ тебѣ мое

сердце, чтобы ты пронзила его? Ахъ! я не перенесу этого. — Неблагодарная! ты будешь причиною моей смерти. —

Слезы градомъ катились изъ очей его; великая слабость овладѣла имъ: онъ легъ въ постелю. Густавъ умѣлъ отвратить его намѣреніе, чтобы послать вездѣ искать Сигизбету; по всему замку говорили о побѣгѣ Сигизбеты, вездѣ царствовала печаль, одинъ Густавъ радовался щастливому успѣху — радовался, подобно хищному волку, поймавшему невинную овечку.

Сигизбета, питаемая скудною пищею, томилась въ башнѣ, куда не проницалъ свѣтъ солнца, гдѣ сырость и холодъ; томилась, и ожидала вечера и утра съ слезами на глазахъ, съ сладкою надеждою въ сердцѣ, забыть все въ объятіяхъ Морица. Такъ — надежда, сей любезный даръ Неба, подкрѣпляющій насъ во всѣхъ нещастіяхъ, одна надежда услаждала ея горесть.

Моргонъ приходилъ въ изнеможеніе; сильная лихорадка заступила мѣсто его горести. Наконецъ получилъ онъ письмо отъ Морица, которой былъ на два дни ѣзды отъ замка; это письмо его порадовало — это письмо заставило трепетать Густава; онъ боялся, чтобы его злодѣйство не обнаружилось. Такъ -- думалъ онъ, это не укроется отъ Морица, онъ сыщетъ Сигизбету, хотя зарой ее въ землю: -- тогда что со мною будетъ? . . . Задумавшись ходилъ онъ скорыми шагами по комнатѣ. Спасительная мысль! вдругъ вскричалъ онъ; лучше быть не можетъ. У отца останется еще много, я не буду столько безчестенъ, что возьму все, половину — для меня довольно; и тогда — чего не могъ я сдѣлать ласками и угрозами, то сдѣлаю силою. Онъ началъ приготовляться къ отъѣзду. — Насталъ вечеръ — почтовая коляска, запряженная четырью лошадьми, была уже готова. Въ полночь, когда всѣ уснули, Густавъ взявши деньги, серебро, дорогія вещи, пріобрѣтен-

ныя Моргономъ, взявши нещастную Сигизбету, не могшую сопротивляться, убѣжалъ — куда влекла гнусная его страсть.

Я не стану описывать положенія нещастнаго, когда онъ узналъ, что Густавъ, обобравъ его, убѣжалъ; и когда узналъ, что Сигизбета должна сдѣлаться жертвою гнуснаго сладострастія Густава; онъ узналъ всѣ коварства, все лицемѣріе хитраго Густава; узналъ, съ какимъ намѣреніемъ просилъ онъ его, чтобы не возвращать Морица; онъ узналъ всѣ подлыя его уловки, и — со дня на день приходилъ въ отчаяніе, какъ вдругъ пріѣзжаетъ Морицъ. Онъ входитъ; на бедрѣ его мечь — въ груди его пламенѣющая любовь къ Сигизбетѣ; — онъ входитъ, и на всѣхъ лицахъ видитъ печаль. Первое слово, какое онъ слышитъ, первой его взоръ, которой находитъ Моргона, лежащаго на постелѣ съ смертною блѣдностію -- это все поражаетъ его. Сюда! сюда! вскричалъ Моргонъ дрожа-

щимЪ голосомЪ, прерываемымЪ слезами, учѣшь нещастнаго старца!

Морицъ. Родитель мой! что это значитЪ, скажите мнѣ скорѣе, Бога ради скорѣе!

МоргонЪ рыдая не могЪ говорить; наконецЪ воскликнулЪ: сынЪ мой! неблагодарный ГуставЪ, твой братЪ, мой сынЪ, сынЪ — котораго я такЪ любилЪ, и онЪ за любовь мою заплатилЪ тѣмЪ, что унесЪ все мое имѣнiе, оставилЪ меня умирать одного, умирать вЪ отчаянiи. Я не предвидѣлЪ сѣтей, которыя онЪ мнѣ ставилЪ. Сигизбета — нещастная Сигизбета будетЪ жертвою ... — МорицЪ, какЪ громомЪ пораженный при имени Сигизбеты, вскрикиваетЪ: Сигизбета? — батюшка! что вы говорите? — Сигизбета — гдѣ она?

Моргонъ АхЪ, сынЪ мой! Чудовище ГуставЪ, нарушивЪ всѣ законы честности, увезЪ ее насильно.

Морицъ. Боже! . . . (*онъ упадаетъ безъ чувствъ*)

Моргонъ проливалъ слезы. Для того ли я возвратился, говорилъ Морицъ пришедши въ себя, чтобы видѣть отца моего въ отчаяніи — на одрѣ смерти; чтобы видѣть Сигизбету, бытіе моей жизни, въ рукахъ варвара?

Моргонъ. Сынъ мой! ты любилъ ее?

Морицъ. Любилъ — любилъ пламенно, родитель мой! но теперь — черная туча разразилась надъ моею головою.

Моргонъ. Теперь надежда раждается въ моемъ сердцѣ. — Сынъ мой! скажи, простишь ли мнѣ оскорбленія, которыя я такъ часто тебѣ наносилъ?

Морицъ. (*бросаясь на грудь отца*) Я не знаю никакихъ обидъ — никакихъ оскорбленій.

Моргонъ. И такъ мнѣ можно надѣяться? —

Морицъ. Всего — всего.

Моргонъ. (*разпростирая руки*) Сюда — сюда! къ сердцу, сынъ мой! къ этому трепещущему сердцу; — напейся жару, которымъ оно пылаетъ.

Морицъ. (*прижимаясь къ груди Моргона*) Понимаю: мщеніе, родитель мой! — мщеніе за тебя, такъ жестоко оскорбленнаго! Такъ — я клянусь на охладѣвающей груди твоей, клянусь отмстить за тебя — за невинную Сигизбету!

Моргонъ. Но умѣрь свое мщеніе, сынъ мой! не мсти злодѣю смертію; есть праведный Судія, который его накажетъ; онъ не избѣгнетъ правосудія Божія. Слѣдуй по стопамъ его, скажи ему, что онъ довелъ меня до отчаянія; что онъ заставилъ меня окроплять слезами сѣдые мои волосы; скажи ему, что онъ открылъ мнѣ крышку гроба; — скажи ему — но не мсти смертію; — и естьли есть еще искра совѣсти въ груди злодѣя — естьли выронитъ хотя одну слезу раскаянія, то скажи ему, что я простилъ его; скажи ему, что мое благословеніе пребудетъ на главѣ его; — скажи ему это, но не мсти смертію.

Морицъ. Родитель мой! не уже ли такое варварство — такое злодѣяніе останется не отмщенно?

Богъ правосуденъ. — Не мсти смертію, сынъ мой! послушай умирающаго отца, говорилъ Моргонъ слабымъ голосомъ. — Я чувствую хладныя объятія смерти; силы мои ослабѣваютъ — чувства цѣпенѣютъ; сынъ мой! не мсти смертію — прости злодѣя. — Онъ хотѣлъ еще говорить, но языкъ его окаменѣлъ, глаза померкли, пламя жизни угасало, и онъ, поднявъ руку, омытую слезами Морица, благословилъ его; пламя жизни угасло — и онъ испустилъ духъ въ его объятіяхъ, въ объятіяхъ того, кому прежде предпочиталъ Густава. *Тщетно онъ простиралъ хладныя руки къ Густаву — онъ видѣлъ только тѣнь его злодѣяній.*

Морицъ, мучимый любовію, ревностію, бѣшенствомъ, садится на лошадь и скачетъ, куда влечетъ его мщеніе. Такъ! — пойду по стопамъ злодѣя, говорилъ онъ, и — да будетъ проклятъ часъ моего рожденія — да не приметъ земля моего праху, да будетъ онъ добычею хищныхъ звѣрей, естьли я не отмщу преждевременной смерти моего ро-

дителя, естьли не отмщу за Сигизбету!

Два дни скакалъ онъ и не упущалъ ни одного прохожаго, проѣзжаго, у кого бы не спрашивалъ о почтовой коляскѣ. На третій день, когда солнце оканчивало свой путь, когда послѣдній лучь его позлащалъ верхи горъ — Морицъ пріѣхалъ къ одному постоялому дому, находившемуся въ полѣ. Онъ идетъ на дворъ, видитъ коляску, и сердце его дрожитъ. Морицъ проходитъ коридоры — спрашиваетъ, кто здѣсь остановился? — Ему отвѣчаютъ по наученію Густава, что здѣсь нѣтъ никого. Грозной видъ и палка Морица заставляютъ сказать правду. Онъ бѣжитъ въ комнаты, и видитъ при дверяхъ стоящихъ слугъ съ обнаженными саблями; — рука его рубитъ всѣхъ ему сопротивляющихся, и онъ съ поражающимъ взоромъ, съ подымающеюся отъ ярости грудью является въ комнату, и видитъ блѣдную, какъ будто въ смертномъ снѣ лежащую на софѣ Сигизбету; ибо варваръ, видя ея

сопротивленія, далЪ ей опіумЪ, чтобы скорѣе совершить свое злодѣяніе; онЪ видитЪ, и почитаетЪ ее умерщвленною ГуставомЪ; — дрожитЪ --- его уста не могутЪ произнесть ни одного слова; — долго и пристально смотритЪ на Сигизбету; — отчаяніе овладѣло его сердцемЪ; — ни одна слеза не выкатилась изЪ глазЪ его, ни одинЪ вздохЪ не вылетѣлЪ изЪ груди его. ВЪ страшномЪ молчаніи, вЪ страшномЪ изступленіи онЪ бѣжитЪ изЪ комнаты, сЪ пыщущимЪ отЪ ярости ртомЪ; --- онЪ ищетЪ Густава, но тщетно; злодѣй, не видя своего спасенія, выпрыгнулЪ вЪ окно и убѣжалЪ. МорицЪ садится на лошадь, и скачетЪ самЪ не зная куда. Спустя нѣсколько часовЪ, Сигизбета вышедЪ изЪ безчувствія, смотритЪ вокругЪ, -- но не видитЪ никого. Какое было ея удивленіе, когда она выходитЪ изЪ комнаты --- видитЪ вездѣ кровь, вездѣ пусто! пробѣгаетЪ всѣ комнаты, всѣ коридоры, но не находитЪ никого; выбѣгаетЪ на дворЪ: видитЪ,

что всѣ въ смятеніи -- видитъ повозку заваленную трупами мертвыхъ, спрашиваетъ, что это значитъ? Хозяева, наморщивъ лобъ, ничего ей не отвѣчаютъ. Наконецъ она узнала все; узнала, что Морицъ это сдѣлалъ. Преклонивъ колѣна, благодарила она Бога, что Онъ ее не оставилъ; что послалъ ей Ангела хранителя. Она узнала, что Морицъ счелъ ее мертвою и скрылся; -- скрылся! повторила Сигизбета -- понимаю Морицъ! это сдѣлано для меня, и я все для тебя сдѣлаю.

Густавъ, захвативши, что могъ, убѣжалъ съ двумя спасшимися слугами и остановился въ одномъ селеніи. Онъ, не смотря на ужасное свое положеніе, не могъ погаситъ пламени скотской своей страсти, и вознамѣрился, чего бы то ни стоило, отъискать Сигизбету.

Морицъ, считая убитою Сигизбету своимъ братомъ, съ отчаянія бѣжалъ три дни на своей лошади, которая, не имѣя отдыха — пала мертва. Онъ шелъ пѣшкомъ, и ведомый отчаяніемъ и бѣшенствомъ,

испускалъ ужасныя стенанія. Пища его не занимала, и естьли онъ ѣлъ, то коренья и плоды, какіе ему попадались, пожиралъ съ бѣшенствомъ. Онъ пришелъ въ густоту Богемскихъ лѣсовъ, гдѣ сыскалъ пещеру и остановился въ ней. Тутъ — въ этихъ дремучихъ лѣсахъ, въ этой пустынѣ онъ искалъ своей смерти; хотѣлъ окончать жизнь — жизнь, которая безъ Сигизбеты была ему тягостна. Иногда онъ испускалъ глухое стенаніе, иногда погружался въ страшное безмолвіе; онъ изливалъ горесть свою въ молчаніи, въ каменномъ безчувствіи; ибо сильная горесть сдѣлала его сердце каменнымъ. Ни одна слеза не орошала лица его; горесть и отчаяніе точили его сердце и сдѣлали его человѣконенавистнымъ. -- Въ одну бурную ночь сидѣлъ онъ при входѣ пещеры, и любовался свирѣпствомъ и ужасами Натуры: — они питали его душу; онъ любилъ предметы, подобные его душѣ, сходные съ мрачною печаліо, стѣсняющею его сердце; онъ любилъ, когда вихри съ страшнымъ свистомъ волновали

и крутили воздухЪ; или — когда блѣдная луна проглядывала изЪ за сѣдыхЪ облаковЪ; или — когда молніи, предтечи разрушительныхЪ громовыхЪ ударовЪ, вырываясь изЪ черныхЪ тучь, вились по небу. Долго сидѣлЪ онЪ вЪ мрачной задумчивости; наконецЪ вскричалЪ: жестокія существа! — вы, которыя называетесь человѣками, которыхЪ я такЪ любилЪ — человѣки! что я вамЪ сдѣлалЪ? БратЪ, котораго я такЪ любилЪ — что я тебѣ сдѣлалЪ? — ТакЪ! всѣ люди не достойны моей любви; я васЪ ненавижу, жестокіе люди! я васЪ оставляю — я удаляюсь отЪ васЪ и хочу жить вЪ пустынѣ; — а вы свирѣпствуйте вЪ своихЪ изступленіяхЪ, терзайте — умерщвляйте невинность! отнынѣ между вами и мною прерываются всѣ связи; я васЪ забываю и буду жить вЪ покоѣ; -- вЪ покоѣ? АхЪ! братЪ отнялЪ его у меня! -- Грозная туча разразилась надЪ моею головою. УдарЪ! — ударЪ! теперь горесть со мною неразлучна.,,ОнЪ упалЪ на землю и лежалЪ какЪ окаменѣлый. Страшно свирѣпствовала буря и

верхи гордыхЪ дубовЪ преклонялись, листья толстой тополи сильно шумѣли. МорицЪ вдругЪ приподымается: „Дуй тише, шумящій борей! говоритЪ онЪ; тише шумите дубы, дайте узнать, живЪ ли я? Га! — я слишкомЪ живЪ, чтобЪ чувствовать во всей полнотѣ мою горесть. Теперь, когда я смотрю на свирѣпствующую Природу, вижу, какЪ вихри быстро гонятЪ грозныя облака по синему небу, — слышу опустошительные ихЪ свисты, и уподобляю ихЪ страстямЪ человѣческимЪ, которыя мучатЪ нашу душу. -- А любовь? -- О! эта страсть подобна змѣи, скрывающейся подЪ цвѣтами. -- КакЪ все мрачно -- пусто для меня! Вѣчная ночь! окружи меня. Сигизбета умерла -- и я умерЪ.„ ТакЪ думалЪ бѣдной МорицЪ, и сонЪ овладѣлЪ имЪ. Прошла ночь, насталЪ день -- МорицЪ проснулся, всталЪ, и чувствуя голодЪ, утолилЪ его кореньями и плодами.

ТакЪ проходило время -- и МорицЪ, привыкшій кЪ человѣколюбію -- кЪ сладостнымЪ чувствамЪ, могЪ ли

возненавидѣть -- позабыть людей? Онъ хотѣлъ наслаждиться Натурою, плакалъ, и слезы текущія, какъ онъ думалъ, отъ умиленія при видѣ щедротъ и благостей Творца -- эти слезы текли о Сигизбетѣ. Онъ началъ уже выходить изъ лѣсу, дабы увидѣть человѣка. Въ одинъ день, сидя возлѣ дороги, видитъ онъ идущую дѣвушку, видитъ -- и его сердце трепещетъ. Она приближается; Морицъ подходитъ, смотритъ на нее, и закрывая руками лице, вскрикиваетъ: подобіе моей Сигизбеты! — Почему ты знаешь мое имя? спросила добросердечная крестьянка.

Морицъ. Такъ тебя зовутъ Сигизбетою?

Крестьянка. Точно такъ. --

Морицъ. Сигизбетою?

Крестьянка. Да, да; не уже ли тебѣ нравится это имя? -- Правда, мущины причудливы; когда попадется имъ какое имя, то они вѣчно твердятъ его, чтобъ не забыть. Мой Фрицъ выдумалъ какое-то имя --

Морицъ. Кто этотъ Фрицъ?

Крестьянка. Онъ хорошій молодой человѣкъ, и любитъ меня — а я его. —

Морицъ. Онъ тебя любитъ?

Любитъ, отвѣчала добросердечная — невинная крестьянка, опустивъ глаза въ землю — и я его люблю. — Ты его любишь? закричалъ Морицъ. Га! и я любилъ тебя, божественная Сигизбета! и ты меня любила; но жестокой Густавъ отнялъ ее у меня — умертвилъ ее. Ярость напрягаетъ мои силы, я лечу — мщеніе! мщеніе!... съ сими словами Морицъ побѣжалъ и оставилъ изумленною молодую крестьянку.

Онъ прибѣгаетъ къ пещерѣ, беретъ саблю и входитъ скоро. Такъ — я пойду, говоритъ онъ, сыщу это чудовище — сыщу и принесу его въ жертву тѣни моей любезной; я вырву злодѣйское его сердце! — смерть родителя будетъ отмщена — смерть Сигизбеты будетъ отмщена! — потомъ упаду къ гробницѣ ея, и буду стенать, пока и самъ сдѣлаюсь безчувственъ и

хладенЪ, какЪ мраморЪ. Ничто не могло удерживать Морица, ведомаго фуріями и бѣшенствомЪ; онЪ переходилЪ горы, переплывалЪ рѣки, ярость напрягала изнемогающія его силы. ВЪ третій день своего путешествія, когда солнце скрывалось за черныя тучи и предвѣщало непогоду — изнемогшій МорицЪ пришелЪ кЪ такому мѣсту, гдѣ многія горы, соединяясь между собою, образуютЪ прекрасную круглую равнину; онЪ вошелЪ вЪ одну пещеру, и повалился на землю. Лишь только утомленныя чувства его начали погружаться вЪ пріятной сонЪ, вдругЪ пронзительный крикЪ поражаетЪ слухЪ его. ОнЪ встаетЪ — выходитЪ изЪ пещеры — прислушивается, и слышитЪ голосЪ, требующій помощи; — бѣжитЪ кЪ горѣ, откуда происходитЪ крикЪ; видитЪ пещеру, при входѣ которой стояли три человѣка вооруженные саблями; подходитЪ кЪ нимЪ, и удивляется, что они, произнеся имя Морица, разбѣгаются вЪ разныя стороны. „Я открою эту тайну!„ за-

кричалЪ МорицЪ, и сЪ стремленіемЪ побѣжалЪ вЪ пещеру, какЪ будто предчувствуя что нибудь ужасное. ПробѣгаетЪ многія излучины пещеры, наконецЪ слышитЪ всхлипыванія и голосЪ:,,Боже! великій Боже! не оставь нещастную, не имѣющую вЪ защиту ничего, кромѣ слезЪ!,, Нещастную! вскричалЪ МорицЪ, и — сЪ растрепанными волосами, сЪ глазами подобными раскаленному желѣзу — вЪ изступленіи бросается вЪ ту сторону, откуда происходитЪ голосЪ. Толпа людей не можетЪ ему воспрепятствовать; подобно разъяренной львицѣ, защищающей дѣтей своихЪ, онЪ всѣхЪ терзаетЪ, всѣхЪ повергаетЪ мертвыми. ОнЪ бросается — и при свѣтѣ лампады видитЪ вЪ сторонѣ гробЪ — блѣдную, дрожащую Сигизбету вЪ рукахЪ Густава, которой одною рукою держалЪ Сигизбету, другою заносилЪ шпагу; — грудь изувѣра была голоя, платье его все распахнулось; онЪ готовЪ былЪ свершить злодѣяніе — готовЪ былЪ оскорбить невинность, или --

умертвить, какЪ вдругЪ видитЪ предЪ собою Морица — Морица всего обрызганнаго кровію — сЪ поражающимЪ взоромЪ — сЪ дрожащимЪ отЪ ярости тѣломЪ; видитЪ — и блѣднѣетЪ, какЪ мертвецЪ — дрожитЪ, какЪ преступникЪ. Возможно ли! -- закричалЪ ужаснувшись МорицЪ -- гробницы изрыгаютЪ мертвыхЪ? -- ДухЪ Сигизбеты! . . . -- Я жива -- воскликнула Сигизбета, -- спаси меня отЪ чудовища! СказавЪ сіе, она упала безЪ чувствЪ на землю. Га! вскричалЪ МорицЪ заскрежетавЪ зубами, чудовище! --- теперь я прерываю узы родства. --- ДухЪ Моргона! укрѣпи мою руку. --- Духи ада! помогите! вскрикиваетЪ ГуставЪ, и бросается на Морица со шпагою --- дрожитЪ --- падаетЪ на шпагу, и конецЪ ея выходитЪ вЪ хребетЪ. -- Далеко брызгнула кровь -- онЪ страшно хрипитЪ -- ужасы смерти его окружаютЪ. . . Га! самЪ БогЪ отмстилЪ тебѣ, безчеловѣчный братЪ, за смерть отца -- за Сигизбету; пусть и моя рука будетЪ орудіемЪ мщенія! СказавЪ сіе, онЪ

три раза поражаетЪ саблею грудь Густава. СамЪ БогЪ отмстилЪ! повторила Сигизбета пришедши вЪ себя. АдскимЪ взглядомЪ посмотрѣлЪ ГуставЪ на Морица -- заскрежеталЪ зубами, --- чорная кровавая пѣна заклубилась изЪ его рта, и мрачная душа его излетѣла. Тѣло его МорицЪ положилЪ во гробЪ, которой былЪ жилищемЪ Сигизбеты. „Я, вышедши изЪ постоялаго двора, говорила Сигизбета, чрезЪ нѣсколько дней вазвратилась вЪ замокЪ, думая найти тамЪ радость --- найти тебя; но -- вмѣсто того нашла печаль: я видѣла гробЪ моего благодѣтеля, моего отца. Возвратившись оттуда, я намѣрена была жить вЪ какой нибудь деревнѣ, у какого нибудь крестьянина, и каждой день провѣдывать о тебѣ. ПредпріявЪ такое намѣреніе, я продолжала путь нѣсколько дней. ВЪ одинЪ день вдругЪ вижу одного человѣка изЪ свиты Густава, -- бѣгу вЪ сторону, и вижу вЪ горѣ пещеру, обдѣланную руками человѣка; вхожу вЪ нее далѣе -- далѣе, и вижу нѣсколько

худыхъ мебелей, въ сторонѣ пустой гробъ. -- Сердце мое чуждо было страха; я ложусь въ него и закрываюсь крышкою. Такъ я думала спастися отъ Густава въ этой пещерѣ, оставленной можетъ быть какимъ нибудь нещастнымъ. При малѣйшемъ шумѣ скрывалась я во гробъ и закрывалась крышкою; однако не могла укрыться отъ поисковъ чудовища, которое сыскавъ меня, хотѣло обезчестить -- или -- естьли я буду сопротивляться -- умертвить. Уже рука его была занесена, какъ подоспѣлъ ты, любезной Морицъ! и освободилъ меня отъ рукъ изверга.,, По окончанiи сего Сигизбета бросается въ объятiя Морица, осыпаетъ его тысячью поцѣлуевъ; но онъ хладнокровенъ въ ея объятiяхъ -- онъ потихоньку отталкиваетъ ее. ,,Морицъ! сказала печально Сигизбета: развѣ мои ласки тебѣ не нравятся? — Ты любишь меня какъ брата? -- говорилъ Морицъ -- а я -- я,, глаза его устремились на Сигизбету; онъ хотѣлъ говорить, но не могъ того выразить, что чувство-

валъ; --- онъ любилъ ее пламенно. „Сигизбета!„ съ симъ словомъ схватилъ онъ ея руку и осыпалъ поцѣлуями -- „милая Сигизбета!„ онъ хотѣлъ говорить, но не могъ -- все казалось ему сухо. Сигизбета поцѣловала его въ щоку. — Я не могу описать чувствій Морица; но тѣ, которые умѣютъ чувствовать, поймутъ все. Ахъ! я тебя боготворю, какъ любовницу! вскричалъ наконецъ упоенный Морицъ. Я тебя обожаю, какъ любовника! сказала Сигизбета, бросившись въ объятія Морица. -- Любишь ли ты меня, милая Сигизбета -- такъ, какъ я тебя? -- Пламенный поцѣлуй Сигизбеты былъ яснымъ отвѣтомъ.

Морицъ и Сигизбета возвратились въ замокъ; печальныя лица людей перемѣнились въ веселыя, всѣ встрѣтили своихъ господъ съ радостнымъ крикомъ. Оплакавши своего добраго отца --- Моргона, --- положили чрезъ мѣсяцъ быть свадьбѣ. Она свершилась. Проходитъ -- проходитъ время, и Морицъ среди радостей становится печаленъ и

задумчивЪ; какое - то свинцовое бремя тяготило его душу, какая - то желѣзная рука давила его сердце. ОнЪ, не смотря на нѣжности и ласки доброй, любезной супруги, *носившей уже надЪ сердцемЪ залогЪ* любви и нѣжности --- носившей младенца --- онЪ, не смотря на Сигизбету, находящуюся вЪ пріятной мечтѣ, исполненную материнской радости, былЪ ко всему хладнокровенЪ, и --- болѣе и болѣе предавался задумчивости. ОнЪ видѣлЪ часто страшные сны, и вЪ бреду называлЪ себя убійцею. „Тѣни убитыхЪ мною! говорилЪ онЪ, не мучьте меня; ваша кровь будетЪ отмщена --- ужасно!“ Воображеніе нещастнаго вошло вЪ узкіе предѣлы, и его разумЪ, --- Боже! --- его разумЪ --- онЪ когда говорилЪ, то говорилЪ безЪ связи, безЪ смыслу, и всегда по большей части о своихЪ снахЪ. Сигизбета сколько ни старалась его утѣшить, сколько ни старалась увѣрить его, что сны ничего не значатЪ, но все тщетно. СЪ великимЪ усердіемЪ, сЪ

великою ревностію, падши ницЪ и *обливаясь слезами, возсылала* Сигизбета горячія молитвы кЪ престолу Всевышняго -- умоляла Его о ниспосланіи здоровья ея супругу. Но такЪ *было положено вЪ книгѣ* судебЪ: - наступилЪ тотЪ часЪ, которой, по опредѣленію Природы -- долженЪ быть послѣднимЪ.

ВЪ одно утро Сигизбета просыпается, хочетЪ обнять Морица, но его не находитЪ; проходитЪ часЪ -- два, Морица нѣтЪ; -- время обѣдать --- МорицЪ не возвращается. Сигизбета сЪ дрожащимЪ сердцемЪ пошла вЪ садЪ, думая найти его тамЪ; приходитЪ кЪ любимому его дубу, и какая картина представляется ея глазамЪ! . . . МорицЪ, сЪ размозженною головою -- лежалЪ на землѣ; --- теплой парЪ исходилЪ еще изЪ струящейся крови; --- возлѣ него лежалЪ пистолетЪ и маленькое письмо. ЗатрепетавЪ и лишившись чувствЪ, падаетЪ Сигизбета на трупЪ супруга. -- Нещастная приходитЪ вЪ себя, чтобЪ больше почувствовать *свое горе; она беретЪ* письмо и чи-

таетъ: „Убійцѣ засыпать въ объятіяхъ Ангела --- нѣтъ! --- это не возможно! такого мщенія требовали души убитыхъ мною. Сигизбета --- прости!“

Боже мой! Боже мой! гдѣ же тѣ радости, которыми думала Сигизбета наслаждаться? — гдѣ удовольствія? Га! они были одна минута -- одно мгновеніе; -- они изчезли какъ тонкіе пары, они засыпаны землею вмѣстѣ съ Морицомъ. Печаль --- одна печаль точила ея сердце, и смѣшавшись съ кровію, текла въ ея жилахъ. --- Жизнь для ея сердца, лишившагося всего, сдѣлалась тягостна; --- она была для нее бременемъ тягчайшимъ и угнетающимъ ее. -- Скоро -- скоро наступилъ послѣдній часъ ея скучнаго бытія. Смерть не была для нее страшнымъ остовомъ; она пришла къ ней во образѣ кроткаго, улыбающагося младенца, съ маковымъ цвѣткомъ въ рукахъ, усыпляла -- и усыпила ее -- на вѣки!

КОНЕЦЪ.